

В серии «Очерки по истории археологии Брянской области» ранее вышли следующие книги:

1. А.А. Чубур «Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии. К 100-летию со дня рождения» Брянск, 2003.

2. В.А. Падин «Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI-V вв. до н.э. – X-XII вв. н.э. по материалам археологических исследований». Брянск, 2004.

3. А.А. Чубур Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии, источниковедения. Брянск-Москва, 2005.

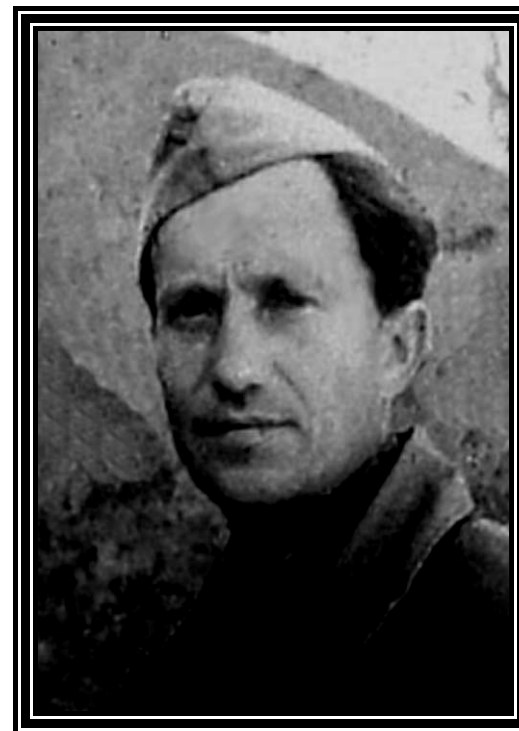

fennecfox.mail.ru

Брянск - 2006

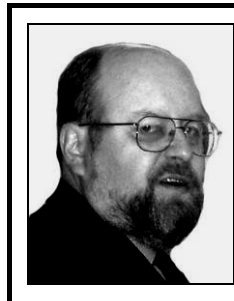
**А. А. Чубур
Г. П. Поляков Н. И. Наумова**

ТРУБЧЕВСКИЙ САМОРОДОК

**к 100-летию со дня рождения
Всеволода Протасьевича Левенка**

Сведения об авторах:

Артур Артурович Чубур – (р.1966) доктор исторических наук, зав. секцией кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета, профессор Российской Академии Естествознания. Окончил естественно-географический факультет Курского госпединститута, аспирантуру Института Археологии РАН, докторантуру Российского государственного социального университета. С 1990 г. ведет археологические исследования в центре Русской равнины. Автор 6 монографий и более 120 научных статей. Работал в Курском и Брянском областных краеведческих музеях, создатель и первый директор Курчатковского городского краеведческого музея. Занимается проблематикой первобытной археологии, палеонтологией четвертичного периода и историей археологической науки. В 1990-2005 гг. прошел маршрутами разведок В.П.Левенка по Брянской и Курской областям.

Геннадий Петрович Поляков – (р.1957) кандидат исторических наук, докторант Брянского государственного университета им.И.Г.Петровского, доцент кафедры Отечественной истории древности и средневековья БГУ, известный историк и археолог, автор около 100 научных статей и 3 монографий. Выпускник исторического факультета БГПИ, ученик Ф.М.Заверняева. Свыше 20 лет проработал научным сотрудником и зав.отделом дореволюционного прошлого Брянского областного краеведческого музея, с 1982 г. ведет археологические исследования в Брянской области. Вдохновитель и участник создания нескольких музеев на Брянской земле. Участник археологических экспедиций в Центральной России, Украине, Польше. Основной круг научных интересов: археология и история Юго-востока Древней Руси, музееведение и история музейного дела, археология и история Брянской области, истории БГУ.

Наталья Ивановна Наумова – (р.1976) начальник отдела научно-справочного аппарата и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Брянской области, выпускница исторического факультета Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского, с 1995 г. активно участвует в работе Хотылевской археологической экспедиции.

А.А. Чубур, Г.П.Поляков, Н.И. Наумова

ТРУБЧЕВСКИЙ САМОРОДОК

(к 100-летию со дня рождения Всеволода Протасьевича Левенка)

(Очерки по истории археологии Брянской области, вып.4)

научное издание

Набор, дизайн, компьютерная верстка – А.А. Чубур, Ю.Б.Журавлёва. Корректор – Ю.Б.Журавлева.
Сдано в набор 10.06.2006. Подписано в печать 19.06.2006. Формат 30х42^{1/8}. Гарнитура Times New Roman.
Усл.печ.л.–4,05. Тираж 200 экз. Заказ №1864. Отпечатано в ООО «Мир копий», качество печати соответствует представленному оригинал-макету

**Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф.И. Тютчева**

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Выпуск 4

А. А. Чубур Г. П. Поляков Н. И. Наумова

ТРУБЧЕВСКИЙ САМОРОДОК

(к 100-летию со дня рождения

Всеволода Протасьевича Левенка)

Брянск – 2006

ББК 63.4(2)
УДК 930.26
Т-77

На обложке – В.П.Левенок (Елисеевичи, 1946 г.)
На первой странице: В.П.Левенок (Ленинград, 1948 г.)

Рецензент – **С. В. Чернышов** (к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории древности и средневековья БГУ, профессор Российской Академии Естествознания (РАЕ))

Под общей редакцией профессора РАЕ А. А. Чубура

Чубур А.А., Поляков Г.П., Наумова Н.И.

Т-77 Трубчевский самородок (к 100-летию со дня рождения Всеволода Протасевича Левенка) / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И.Тютчева. – Брянск, 2006. – 52 с. ил. - (Очерки по истории археологии Брянской области; вып.4)

В очередной книге серии, посвященной истории археологических исследований в Брянской области, рассказывается о жизни и научной деятельности Всеволода Протасевича Левенка – выдающегося краеведа и археолога, исследовавшего древности Подесенья, Посеймья и Верхнего Дона, одаренного разнообразными талантами человека с непростой судьбой. Приводится библиография трудов ученого. Для историков, археологов, учителей, студентов гуманитарных специальностей, всех, кто интересуется историей отечественной науки и краеведением.

ББК63.4(2)

ISBN 5-94228-07-3В

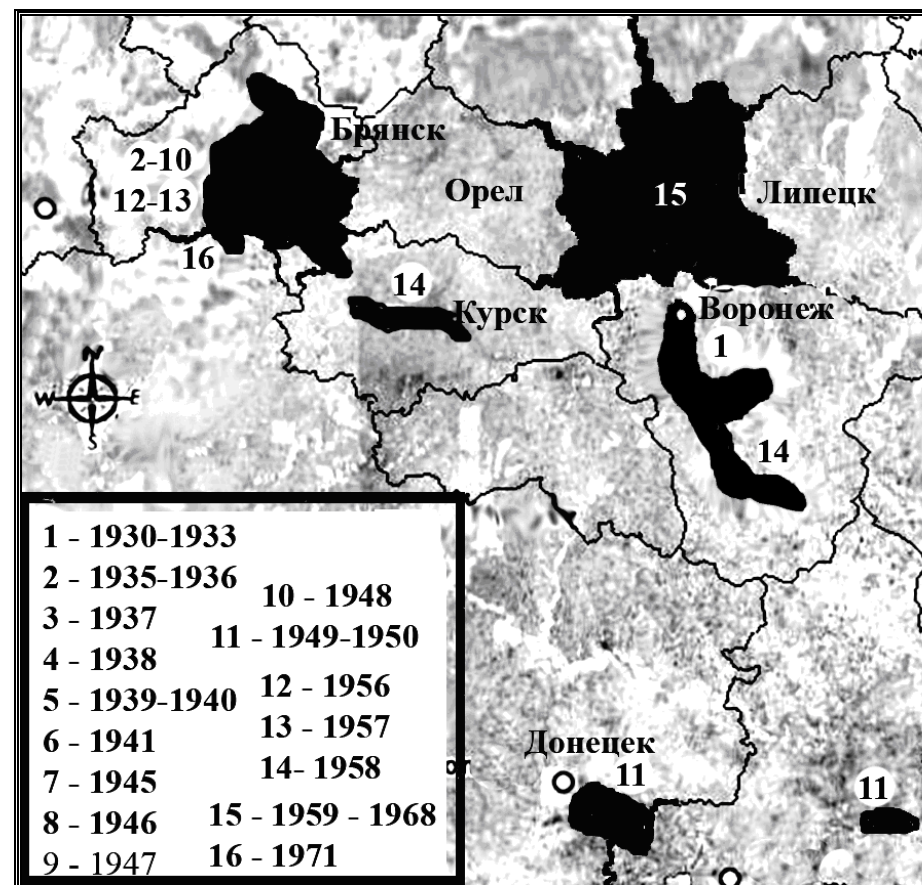
©- Чубур А.А., Поляков Г.П., Наумова Н.И., 2006

©- Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева, 2006

Карта археологических исследований

В. П. Левенка

(цифрами обозначены годы ведения работ в выделенном регионе)

Федюнин И.В. Мезолит Лесостепного Подонья в исследованиях В.П.Левенка // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002, С.12-14.

Хованских З., Клоков А. Левенок Всеволод Протасьевич // Липецкая энциклопедия. Т.2.-Липецк, 2000.-С.245-246.

Чубур А.А. Всеволод Протасьевич Левенок: жизнь и судьба археолога // Comentararii de historia 2000 - №6 (<http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/06-05.htm>)

Чубур А.А. Очарованный наукой. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. www.archeologia.ru/Library/Book/d37bd7991a71

Чубур А.А. «Археология – моя страсть» (Трубчевский период биографии В.П. Левенка) // Археологическое изучение Центральной России. Материалы международной научной конференции. Липецк, 2006.

Чубур А.А. Судьба археолога: страницы биографии Всеволода Левенка в его письмах. (Сборник статей под ред. А.М. Дубровского, Брянск, в печати). Электронная версия: <http://historfaculty.narod.ru/stchub1.htm>

Архивные материалы, связанные с В.П. Левенком

Левенок В.П. Письма К.М.Поликарповичу. Архив ЮКМ, ф.1, д.45.

Левенок В.П. Личное дело. Архив ИИМК. Ф. 35, оп. 5, дд. 181, 362.

Уголовно-архивное дело №2192, Архив УФСБ по Брянской обл.

Падин В.А. Трубчевский краеведческий музей (краткая справка). Июнь 1992 г. Научный архив ТКМ №21243.

Список сокращений

АО – Археологические открытия (ежегодник)

БГОКМ – Брянский государственный объединенный краеведческий музей

ГАБО – Государственный архив Брянской области

ГАИМК – Государственная Академия Истории Материальной Культуры

ГАЛО – Государственный архив Липецкой области

ИА – Институт Археологии

ИИМК – Институт Истории материальной культуры

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КСИА – Краткие сообщения Института Археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института Истории материальной культуры

ЛОИА – Ленинградское отделение Института Археологии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ТКМ – Трубчевский краеведческий музей

ЮКМ – Юдиновский краеведческий музей

Провинциальный городок Трубчевск на юге Брянской области славен не только тысячелетней историей. Здесь лежат родовые корни многих одаренных людей Российской Державы: просветитель Галич, лесовод Казанский... Связана с Трубчевском и жизнь семьи Левенок, происходящая из казаков села Гарцево Стародубского уезда Черниговской губернии.

Протасий Пантелеевич Левенок (1874-1958) – народный интеллигент, художник, музыкант-любитель, просветитель. В 1903 г. он выдержал испытание при Киевском реальном училище и получил от Императорской Академии Художников свидетельство на право преподавания рисования в низших учебных заведениях. Поначалу он был назначен учителем чистописания, черчения и рисования в Дубенское двухклассное городское училище Волынской губернии. А летом 1905 г. его семья переехала в Трубчевск, где Протасий Пантелеевич стал учителем графических искусств в Трубчевском городском училище. Вскоре Левенки приобрели дом. Жена Протасия Пантелеевича – Неонила Стефановна (в девичестве Пономарева) умело вела в доме это хозяйство, ведь в семье было 8 детей. Старшие обучались в мужской и женской Трубчевских гимназиях. В начале 1908-1909 учебного года Протасий Левенок был допущен к исполнению обязанностей из платы по найму учителем рисования Трубчевской женской гимназии, в 1912 г. поступил учителем искусства в Трубчевское высшее начальное училище и с 1 сентября 1914 г. был принят учителем рисования и чистописания во вновь открытую Трубчевскую мужскую гимназию. Вот как он пишет в одном из прошений: «Работая в трех вышеназванных учебных заведениях на пользу родного искусства, как на уроках рисования, так и при постановке ученических спектаклей, вечеров и празднованиях юбилеев, где такое видное место занимает искусство, я многократно удостоивался самой искренней благодарностью как со стороны моего начальства, так и со стороны родителей учащихся» (ГАБО, ОДФ438, оп.1, д.42, л.14). В личном деле П.П.Левенка из архивного фонда Трубчевской женской гимназии сохранилось свидетельство о предоставлении ему права ношения на груди «ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной, в память трехсотлетия Царствования Дома РОМАНОВЫХ светлобронзовой медали» (ГАБО ОДФ.486, оп.1. д.26, л. 6). Упоминается Протасий Пантелеевич в «Памятной книге Орловской губернии за 1915 год».

О трубчевском художнике, музыканте и просветителе рассказывает в своих стихах его близкий друг, великий философ-мистик и выдающийся поэт XX столетия Даниил Леонидович Андреев:

Был часом нашей встречи истинной

Тот миг на перевозе дальнем,

Когда пожаром беспечальным

Зажглась закатная Десна,

А он ответил мне, что мистикой

Мы правду внутреннюю чуем,

Молитвой Солнцу дух врачуем

И пробуждаемся от сна.

Он был так тих - безвестный, седенький,

В бесцветной куртке рыбакова,

Так мудро прост, что это слово

Пребудет в сердце навсегда.

Он рядом жил. Сады соседили.

И стала бедная калитка

Дороже золотого слитка

Мне в эти скудные года.

На спаде зноя, если душина

Истома нежила природу,

Беззвучно я по огороду
 Меж рыхлых грядок проходил,
 Чтоб под развесистыми грушами
 Мечтать в причудливых беседах
 О Лермонтове, сагах, ведах,
 О языке ночных светил <...>.
 Я всё любил: и скрипки нежные,
 Что мастерил он в час досуга,
 И ветви гибкие, упруго
 Нас трогавшие на ходу,
 И чай, и улы белоснежные,
 И в книге безглую отметку
 О Васнецове, и беседку
 Под старой яблоней в саду.
 Я полюбил в вечерних сумерках
 Диванчик крошечной гостиной,
 Когда мелодией старинной
 Звенел таинственный рояль,

*И милый сонм живых и умерших
 Вставал из памяти замглённой,
 Даря покой за путь пройденный
 И просветленную печаль...»*

П. П. Левенок

Одна из дочерей Протасия Пантелеевича – Евгения Протасевна, одно время даже считалась невестой Даниила. Не удивительно, что поэт посвящал стихи и всей семье Левенков, у которых он так любил гостить, бывая летом в Трубчевске:

*«...Хозяйка станет занимать
 И проведет через гостиную,
 Любовьна и проста, как мать,
 Приветна ясностью старинною.
 Завидев, что явился ты -
 Друг батюшки, знакомый дедушки,
 Протянут влажные персты
 Чуть-чуть робеющие девушки.
 К жасминам окна отворя,
 Дом тих, гостей солидно слушая,
 И ты, приятно говоря,
 Купаешься в реке радушия.
 Добронадежней всех "рагу",
 Уж на столе шипит и пышнится
 Соседка брату - творогу -
 Солнцеподобная яичница.
 Ни - острых специй, ни - кислот...
 Но скоро пальцы станут липкими*

*От шестигранных сладких сот,
 Лугами пахнувших да липками.
 Усядутся недалеко
 Мальчишки в трусиках курносые,
 Коричневые, как ил в реке,
 Как птичий пух светловолосые.
 Вот, мягкостью босых подошв
 Доцатый пол уютно ищупая,
 С реки вернется молодежь
 С рассказом, гомоном и щукою.
 Хозяин, молвив не спеша:
 "А вот - на доннике, заметьте-ка!"
 Несет (добрейшая душа!)
 Графин пузатый из буфетика.
 И медленно, дождем с листа,
 Беседа потечет - естественна,
 Как этот городок, проста,
 Чистосердечна, благодетельна...».*

Не случайно именно на доме Левенков установлена первая в России мемориальная доска памяти Д.Л.Андреева. О его встречах с Левенками нам еще придется вспомнить. Пока же настала пора начать разговор о главном герое нашего очерка.

Деятнадцатого июня 1906 г. в семье Протасия Пантелеевича родился четвер-

ласти. 1947 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.103.

8. Отчет о разведках на территории Брянской области по реке Десне за 1948 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.223.
9. О работе Деснинского отряда за 1956 год. Архив ИА РАН, Р-1, д.1256.
10. Об археологических работах в верхнем и среднем течении Десны. 1957 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.1569.
11. Археологические разведки на верхнем Сейме. 1958 г. Архив ИА РАН, Р-1, №1561; Копия - НА КГОМА, Д. I-31/29.
12. Отчет об археологических работах Верхнедонского отряда в 1959 г. Архив ИА РАН, Р-1 № 1898
13. Отчет об археологических работах Верхнедонского отряда в 1960 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 2117;
14. Отчет о полевых работах Верхнедонской археологической экспедиции Липецкого областного краеведческого музея и Ленинградского отделения института археологии АН СССР в 1961 г. Архив ИА РАН, Р-1 № 2225
15. Отчет о полевых работах верхнедонской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г. Р-1, №2552
16. Отчет о работе Верхнедонской археологической экспедиции за 1963 год. Архив ИА РАН, Р-1, №2812;
17. Отчет о полевых работах Верхнедонской археологической экспедиции в 1964 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 2943.
18. Отчет о полевых работах Верхнедонского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1966 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 3418.
19. Отчет о полевых работах Верхнедонской археологической экспедиции в 1967 г. Архив Липецкого областного краеведческого музея.
20. Отчет о работах Верхнедонской новостроечной экспедиции 1968 года. Архив ИА РАН, Р-1, №4002.
21. Отчет о работе Деснинского неолитического отряда. 1971 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.4958.

Литература о В.П. Левенке и его семье

- Андреев Д.Л. Роза Мира. – М., 1992.
- Андреева А.А. Плавание к Небесному Кремлю. - М.: Ред. журн. "Урания", 1998.
- Круглый И. Художники Воронежа, Курска и Орла. Воронеж, 1960, сс.11, 96.
- Клоков А.Ю. Из истории археологических исследований Верхнего Дона // Записки краеведческого общества, вып.1, Липецк, 1995, с.5-17.
- Лозов Б. Ученый, художник, музыкант // Земля Трубчевская от 05.08.1996.
- Падин В.А. Далекое–близкое // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. Брянск, 1991, с.31-35.
- Парыгин В.П. Реабилитирован посмертно. Брянщина литературная, Кн.3. - Брянск, 1994.
- Пасин В. Жизнь и судьба опального поэта Даниила Андреева // И грезится блаженная Неруса... Трубчевск, 1991. С.5-26.

18. Новые раскопки стоянки Подзорово (Тамбовская область) // КСИА АН СССР, вып.117, М., 1969.
19. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1969.
20. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА АН СССР, вып.126, М., 1971.
21. Работа Деснинского неолитического отряда // АО 1971 года. М., 1972
22. Неолитические памятники лесостепной зоны Европейской части СССР // Палеолит и неолит. МИА № 172, М., 1973.
23. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА АН СССР, вып.133, М., 1973.
24. Мезолитические и неолитические кремневые орудия Селецких дюн // КСИА АН СССР, вып.141, М., 1975.
25. Образование древнерусского города // Брянский краевед. Вып.8. Брянск, 1976.
26. К вопросу о новом районе Городецкой культуры на Дону // СА, 1976 - №2 (в соавторстве с В.Г. Мироновым).

Не опубликованные:

1. Археологические памятники Трубчевского края; Архив Института Археологии НАН Украины, №419.
2. Археологические обследования на верхней Судости в 1946 году (Архив Института Истории АН БССР, 1946 г.)
3. Славяно-русское поселение на месте палеолитической стоянки Елисеевичи (Архив Института Истории АН БССР, 1946)
4. Каменный век Трубчевского края (Архив Института Истории АН БССР, 1947)
5. Ранний железный век Трубчевского края (Архив Института Истории АН БССР, 1947).
6. К археологическому изучению некоторых пойм в бассейне Десны (для сборника «Археология УССР», 1948 г.).

Научные отчеты В.П. Левенка

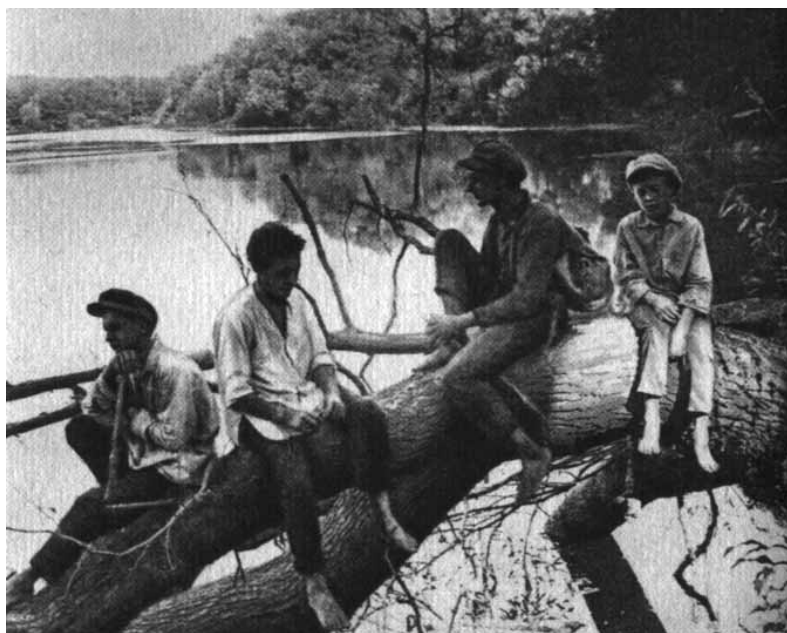
1. Отчет об исследовании урочища «Осетинская дача» на р. Неруссе в Трубчевском районе. Архив ИИМК РАНЮ ф.2, оп.1. №426/1936
2. Работы Трубчевского музея. Архив ИИМК РАН, ф.2. оп.1, №83/1938
3. Разведки в Трубчевском районе Орловской области. Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, №155/1939.
4. Деснинская экспедиция Трубчевского музея. Дневник археологических работ В.П.Левенка в Трубчевске в 1941 г. Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1. №35/1941, №100.
5. Отчет об археологических обследованиях в Трубчевском районе Брянской области. 1945 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.45.
6. Отчет об археологических работах на р.Десне и р. Судости в пределах Брянской области. 1946 г. Архив ИА РАН, Р-1, д.45а.
7. Отчет об археологических работах в бассейне р.Десны в пределах Брянской об-

тый сын. Об этом есть запись в метрической книге церкви Преображения Господня в Трубчевске (ГАБО, ОДФ 248, оп.1, д.229, л.129об.). Дата заворачивает магией повторяющихся цифр – 19.06-1906. Быть может, эти числа и впрямь свидетельство неординарности родившейся «под ними» личности или необычной судьбы, предначертанной небесами? Как знать... Сына, первым родившегося на новом месте жительства окрестили Всеволодом – в честь увековеченного в «Слове о Полку Игореве» Трубчевского князя Буй-Тур Всеволода. Сразу видно: отец увлеклся историей. Не удивительно, что увлекся ею и сын, во всей полноте унаследовавший отцовские таланты.

Уже в школьные годы ярко проявились художественные и музыкальные наклонности Всеволода, а также интерес его к истории, старинным книгам и рукописям. На любознательного подростка обратил внимание основатель Трубчевского музея Г.М.Поршняков.¹ В 1923 году, то есть за год до окончания Всеволодом Левенком девятилетней школы второй ступени, Георгий Михайлович познакомил его с хранившимися в Трубчевском музее книгами и документами из библиотеки и архива бывшего Спасо-Чолнского мужского монастыря, располагавшегося в 12 км к юго-западу от Трубчевска. В монастырском книгохранилище мальчику позволяли рыться в так называемом «неслужебном фонде» и строго запрещали касаться «служебного фонда», где наготове лежали богослужебные книги на все нужды богослужений в монастыре и треб на выезд. В «неслужебном фонде» хранились книги и свитки XVII-XVIII веков, изъятые по ветхости, испорченные мышами или подгоревшие. Некоторые книги имели вшитые в них (обычно позади печатного текста) рукописные тексты на светские темы. Они вызывали особенно большое любопытство у будущего исследователя. Именно тогда юный Всеволод ознакомился с синодиком этого монастыря. В синодики – специальные памятные книги монастырей и храмов – родственниками записывались имена умерших для церковного поминания, а на помин их души в монастырь вносились вклады. Это была небольшая книжка в черном кожаном переплете, написанная темно-серыми чернилами, с ярко-красными киншварными заглавными буквами, датированная двадцатым июня 1768 г. и явно переписанная из более древнего источника. Средняя часть Спасо-Чолнского монастырского синодика содержала записи с именами князей Трубецких. А в крипте – усыпальнице под Троицким собором в Трубчевске – Левенок под руководством Поршнякова изучал и описывал надгробные белокаменные плиты над захоронениями тех же князей Трубецких. Почти сорок лет спустя Всеволод Протасевич опубликовал результаты своих исследований княжеских надгробий.

1 - Поршняков Георгий Михайлович (1868 -1939) – основатель и первый директор Трубчевского музея, ученый-лесовод, член-корреспондент Центрального Бюро Краеведения, археолог, педагог и натуралист. В формулярном списке коллежского асессора Поршнякова, составленном в 1913 г., значится: «вероисповедания – православного, из потомственных дворян, имеет в Трубчевском уезде 837 десятин земли» (ГАБО ОДФ81, оп.2, д.22, л.25-об). Открыл и нанес на «Археологическую карту Трубчевского уезда», им составленную, свыше 50 неизвестных ранее науке памятников и первым приступил к раскопкам курганов знаменитого Кветунского некрополя. В 1928 г. как «классово чуждый элемент» был отстранен от руководства музеем. В том же году, после смерти жены, переехал в г.Орел, где поступил на службу в губернский музей, работал, умер и был похоронен на Троицком кладбище.

С 1925 г. учился на живописном факультете Художественного техникума и, одновременно в Музыкальном четырехлетнем техникуме в Воронеже. Как художник он вступил в АХЗЗ – Ассоциацию революционных художников России. Картины и этюды его часто появлялись на художественных выставках. О Всеволоде Левенке – художнике писали воронежские газеты и журналы того времени, да и сейчас его имя в этом контексте встречается в изданиях по истории живописи. С 1928 года Всеволод Протасевич работал учителем рисования в одной из воронежских школ и, одновременно, художником и лаборантом Воронежского краеведческого музея (общение с Г.М.Поршняковым в юности принесло свои плоды!). Тут он окончательно «заболел» археологией. Еще в начале 1930-х гг. В.П.Левенок с сотрудниками Воронежского краеведческого музея Д.Д.Леоновым и Н.В. Валукинским участвовал в археологических разведках по рекам Дон, Воронеж и Битюг. Музыкальному таланту тоже нашлось применение – Левенок играл на кларнете в симфоническом оркестре.

*«...И наша светлая Нерусочка, дитя лесов и мирной воли,
Быть может, не любила боле так никого, как нас двоих...»*

На реке Неруссе, 1931 г., второй слева – В.П.Левенок, третий слева – Д.Л. Андреев

Всеволод приезжая повидать родные места из Воронежа на рубеже 20-30-х годов, сдружился с ровесником своим Даней – впоследствии уже упоминавшимся нами Даниилом Леонидовичем Андреевым. Друзья часто вместе бродили по лесным чащам–немеречам на Десне и Неруссе. Во время одного из таких маршрутов – в ночь полнолуния 29 июня 1931 года – свершилось в жизни Андреева «трансфизическое» причастие к тайнам мироздания, что легло в основу его всемирно известной «Розы

ловек, он выдержал много тягот и лишений, но пронес свою яркую индивидуальность сквозь оккупацию, сквозь фашистские и сталинские концлагеря, через унижения, гонения и славу, в общем – сквозь «огонь, воду и медные трубы».

В биографии каждой неординарной личности как в зеркале отражается история. И глядя с расстояния десятилетий, начинаешь иначе, чем современники, видеть многое. Как инородное тело отторгается черно-белое, отраженное в кривом зеркале идеологии, максималистское восприятие фактов, характерное для совсем недавнего прошлого. Порой с отвращением воспринимаются иные «историографические опусы», ставящие своей глубинной целью всего лишь запоздалый ответ бывлым оппонентам и сведение счетов с ними, порой уже покинувшими наш мир. Задача историографа совсем в ином – попытаться по мере сил объективно рассказать не о сиюминутной официальной оценке отдельных событий, фактов, поступков, а о том, что же, собственно, было сделано человеком. Какой путь был им пройден, каков его итог, что достигнуто. Какая нить оставлена личностью в ткани Истории.

Научные труды В.П. Левенка

Опубликованные

1. Историческая справка о курганах Трубчевского района // Сталинский клич, 1935 – 24 октября (№103), 4 декабря (№115), 10 декабря (№117).
2. Археологические работы Трубчевского музея // КСИИМК, вып.10. Л., 1941.
3. Неолит верхнего участка бассейна Средней Десны // КСИИМК, вып.23.М., 1948.
4. Городища Юхновской культуры // КСИА АН УССР, вып.7. Киев, 1957.
5. Работы Деснинского отряда 1956 г. // КСИИМК, вып. 74, М., 1959.
6. Вологовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье // Известия Государственного Педагогического института. Том 31. Воронеж, 1960.
7. Надгробия князей Трубецких // СА, 1961 - № 1.
8. Ранненеолитическая стоянка у с.Долгое на Верхнем Дону // КСИА АН СССР, вып.92. М., 1962.
9. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА, 1963 - №3.
10. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье // Известия Воронежского Государственного Педагогического института. Т.45. Воронеж, 1964.
11. Скифский акинак с верхнего Дона // СА 1964 - №2.
12. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА №131, Палеолит и неолит, выпуск V. М.-Л., 1965
13. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА № 126. М.-Л., 1966.
14. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком // КСИА АН СССР, вып.111, М., 1967.
15. Исследования неолита на Дону // АО 1966 года. М., 1967.
16. Исследования в зоне Липецкого моря // АО 1967 года. М., 1968.
17. Первобытнообщинный строй на территории нашего края // Из истории Липецкого края. Воронеж, 1969. (В соавторстве с Н.Н. Федосеевой).

пейской части СССР» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Всеволоду Протасьевичу было тогда уже 63 года. Оппонентами диссертанта выступили такие известные специалисты по неолиту, как Д.Я.Телегин и Т.Д. Белановская. Не все выводы и гипотезы исследователя выдержали проверку временем, но введенные им в оборот рязано-долговская и рыбноозерская археологические культуры прочно заняли место на страницах археологических справочников, статей и монографий. И пусть теоретические выкладки Всеволода Протасьевича были порой умозрительны и не раз подвергались справедливой научной критике, его предназначение как ученого было, вероятно, в ином. В среде археологов про таких говорят: «Полевик от Бога!» Обследовать, открыть за свою жизнь свыше тысячи древних поселений и некрополей – это и иному академику не по плечу. А уж на добытых Левенком материалах, ждущих до поры в тиши музейных фондов, созреет у тех, кто придет позже еще не одна статья, монография, диссертация. Так есть, так будет...

В 1971 г. исследователь возобновил работы на Десне, но – увя – всего лишь на сезон. Возраст брал свое, сказывались и былая контузия, и годы в гитлеровских и сталинских лагерях. В последний полевой сезон Левенок и его Деснинский неолитический отряд изучали несколько древних многослойных поселений близ Трубчевска, в числе которых Пименов бугор в устье Неруссы и Бороденка. Через два года, в 1973 г. он ушел на пенсию. Но поверьте, ему было чем заняться.

Он продолжал и дома работу над публикациями результатов своих многолетних исследований. Участвовал в научных симпозиумах. Так, не мог, конечно, Всеволод Протасьевич пропустить конференцию, посвященную 1000-летию его родного Трубчевска в сентябре 1975 года. Навещал он своих многочисленных друзей и родных. В Брянске, например, бывал у Федора Михайловича Заверняева, с которым судьба свела еще на довоенных раскопках в Елисеевичах. А кроме того... Близкий друг Всеволода Протасьевича, известный палеолитовед, доктор исторических наук Лев Михайлович Тарасов рассказывал, что в 1960-х годах в Липецке неоднократно проходили художественные выставки живописных полотен Левенка. Сохранились отдельные его картины и в родном Трубчевске. Не оставлял он живопись до конца жизни, рисуя даже экслибрисы для своих знакомых. Известно, что Левенок писал и стихи: тетрадь с ними поступила в архив ИИМК РАН из Воронежа. Есть тетрадь стихов Левенка, написанных в пору войны и у бывшего директора Трубчевского музея Н.Г. Тихонова. Наконец музыка: еще будучи штатным сотрудником ЛОИА, да и после выхода на пенсию Левенок играл на кларнете в симфоническом оркестре Ленинградской народной филармонии.

20 января 1985 года в возрасте 79 лет археолог, историк, художник, музыкант, поэт, романтик Всеволод Протасьевич Левенок скончался. Это был талантливый, разносторонне одаренный, упорный и верный науке, необычайно жизнелюбивый че-

Экслибрис Т.Шумилкина. Автор – В.П. Левенок. начало 1980-х гг.

Мира». Вот как он описывает начало этого похода: «Обычно среди природы я стараюсь быть один, но на этот раз случилось так, что я принял участие в небольшой общей экскурсии. Нас было несколько человек – подростки и молодежь, в том числе один начинающий художник (это и был Всеволод – А.Ч.). У каждого за плечами имелась котомка с продуктами, а у художника ещё и дорожный альбом для зарисовок. Ни на ком не было надето ничего, кроме рубахи и штанов, а некоторые скинули и рубашку. Гуськом, как ходят негры по звериным тропам Африки, беззвучно и быстро шли мы – не охотники, не разведчики, не изыскатели полезных ископаемых, просто – друзья, которым захотелось поночевать у костра на знаменитых пелесах Неруссы» («Роза Мира», ч.2, гл.2). Можно взять на себя смелость предположить, что именно Всеволод Левенок стал реальным прототипом одного из героев уничтоженного гэбистами романа Д.Л. Андреева «Странники ночи» – влюбленного в природу археолога Саши Горбова. По сюжету романа, каким его помнила супруга Андреева, он в самом начале повествования приехал (вернулся?) в Москву из Трубчевска.

В 1934 г. Всеволод Протасьевич насовсем вернулся в родной Трубчевск и поначалу устроился на работу вновь учителем рисования, одновременно начав в окрестностях любительские археологические разведки, но уже с 1935 г. возглавил совершенно разоренный к тому времени невеждами-пролеткультами Трубчевский краеведческий музей в залах которого сушили рыболовные сети.

Середина 30-х гг. XX в. была весьма непростым временем в истории отечественных музеев. В провинции местные партийные функционеры стали требовать реализации постановления I Всероссийского музейного съезда, провозгласившего переход от показа вещей к показу идей и объявившего войну «вещизму». В экспозициях музеев история теперь трактовалась в духе «Краткого курса истории ВКП(б)»: необходимо было раскрыть всеобщие законы диалектики, иллюстрировать конкретные положения, высказанные классиками марксизма-ленинизма. Основой музейной деятельности была объявлена политико-просветительная работа (проведение различных предвыборных мероприятий, занятий по поднятию урожайности, «Сталинской конституции» и т.п.). Непременно должна была быть реализована новая типовая структура краеведческого музея: теперь она обязательно включала три отдела – природы, истории и социалистического строительства, причем наибольшее внимание отводилось последнему. На занятия наукой в музеях просто не оставалось времени.

Впрочем, Всеволод Протасьевич, вступив в должность директора или, как она называлась в то время – «заведывающего музеем», большую часть своего рабочего и даже вне рабочего времени стал уделять как раз научным изысканиям в области археологии. Именно с этого времени и началось его общение и переписка с весьма известным к тому времени минским археологом Константином Михайловичем Поликарповичем², вскоре ставшим для Всеволода Левенка не только учителем, но и другом. В личном архиве К.М. Поликарповича, хранящемся в фондах Юдиновского

2 - Поликарпович Константин Михайлович (1889-1963) – кандидат исторических наук, выдающийся белорусский, советский археолог, историк, энциклопедическая личность. Значительная часть его жизни связана с Брянской обл.: учениками стали брянские археологи В.П. Левенок и Ф.М. Заверняев.

краеведческого музея, обнаружена подборка писем В.П.Левенка (ЮКМ, ф.1, д.45)³, рассказывающая об археологе и его судьбе намного больше, чем краткие автобиографии из личного дела, хранящегося в архиве Института Истории Материальной Культуры РАН. Письма эти показывают процесс становления ученого, постепенно проходящего путь от энтузиаста-краеведа до научного сотрудника академического учреждения. А началось все с такого письма, адресованного в «Белорусскую Академию Наук, академику Поликарповичу» (последняя фраза, кстати, вызвала недовольство архискромного Константина Михайловича):

«17.3.1936 г. Глубокоуважаемый тов. Поликарпович! Извините меня, прежде всего, за то нахальство, что я, совершенно для Вас незнакомый человек, обращаюсь к Вам. Я работаю в Трубчевском музее с 1 июня 35 года, и самое для меня интересное в жизни – археология. Я имею законченное художественное образование и веду археологическую работу, летом по обследованию, съемке планов и т.д., а зимой – исследовательскую. Пишу материалы исследований и все снабжаю точными планами, чертежами и зарисовками. Почти ни один черепок не ускользает от описания и зарисовки. Работы здесь очень много, но одно плохо, что в этом захолустье почти невозможно достать литературу по археологии. В библиотеке музея я нашел две книги (очевидно, присланные Вами сюда) тома 1-й и 2-й «Прац» изданные Б.А.Н.⁴ Несмотря на то, что они написаны на белорусском наречии, я их не только прочел, но просто проштудировал. Я нашел еще открытку, писанную Вами (в 1930 г.) быв. зав. мзеем П.Н. Гоголеву, где Вы обещали ему выслать оттиски Ваших работ. Мне было очень досадно, что несмотря на то, что Вы выслали ему книги, он даже не потрудился их просмотреть – книги оказались неразрезанными⁵. Но это неприятное явление с лихвою искуплено моей работой. Не говоря о хаотической экспозиции музея (которую пришлось коренным образом изменить), я начал систематическое изучение археологических памятников нашего края – Среднего Подесенья – материал чрезвычайно интересный. Ваши труды по «Д.С.»⁶ и другим исследованиям для меня являются настольной книгой, я теперь свободно читаю и понимаю белорусский язык, а иногда и думаю (по привычке к этим книгам) белорусскими фразами. Не так давно мне А.Н. Лявданский⁷ прислал III том «Прац» секции археологии – это был для меня большой праздник. Есть у меня и другие книги по археологии и истории искусств, но всего

3 - далее все письма В.П.Левенка к К.М.Поликарповичу цитируются по этому фонду с указанием даты.

4 - Працы Секции Археологии – Труды Секции Археологии Института Истории БАН – периодическое издание, три выпуска которого увидели свет в 1 половине 1930-х гг. в Минске.

5 - Гоголев Павел Николаевич – любознательный, но неопытный директор Трубчевского музея, сменивший Г.М.Поршнякова. Музей при нем, по свидетельству К.М.Поликарповича, поражал, с одной стороны, огромным объемом материала (особенно керамики неолита и раннего железного века), а с другой – невозможностью работать с экспонатами, хранящимися в беспорядке (ЮКМ, ф.1, д.31, л.33; д.6/1, Дневник за 1930 г.). При Гоголеве научно-просветительная экспозиция была трансформирована в схематическую и политико-воспитательную, рассчитанную на проведение идеологической работы.

6 - вероятно имеется в виду серия работ Поликарповича по древним стоянкам долины Сожа.

7 - Лявданский Александр Николаевич (1893-1937) – белорусский археолог, исследовал преимущественно памятники раннего железного века и средневековья на территории Белоруссии и Западной области РСФСР. Арестован и расстрелян НКВД, реабилитирован посмертно в 1956 г.

Всеволод Протасевич никогда не был склонен преувеличивать собственные достижения, приписывая себе чужие открытия. Так, например, знаменитая стоянка Рыбное озеро 1, как он указывает в отчете, открыта в 1963 г. сотрудником его экспедиции Г.В. Бобровым, и это не единичный пример. И все же большинство открытий в поле на счету самого Левенка.

Иным археологам столько было не сделать и за три жизни. Левенок успел за десятилетие. «Мы - «очкарики» - люди сумасшедшие, - рассуждал Левенок в одном из писем, - Древний летописец, вероятно, нас имел в виду, когда писал, что некоторые типы «...ником бысть не мучимы, но сами себе мучать...» Люди копаются на одном памятнике всю жизнь. Там, где не хватает фактов, «доврут» до нормы... И живут спокойно, всеми уважаемыми персонами. А мне этого было мало». Итогом 10 лет существования Верхнедонской экспедиции стало открытие более чем 400 памятников археологии на территории современной Липецкой области. Значительная часть огромного массива материалов исследований на Дону осталась неопубликованной. Так, не успел подготовить Левенок полноценную публикацию новой, выделенной им по ито-

Всеволод Левенок с супругой Екатериной

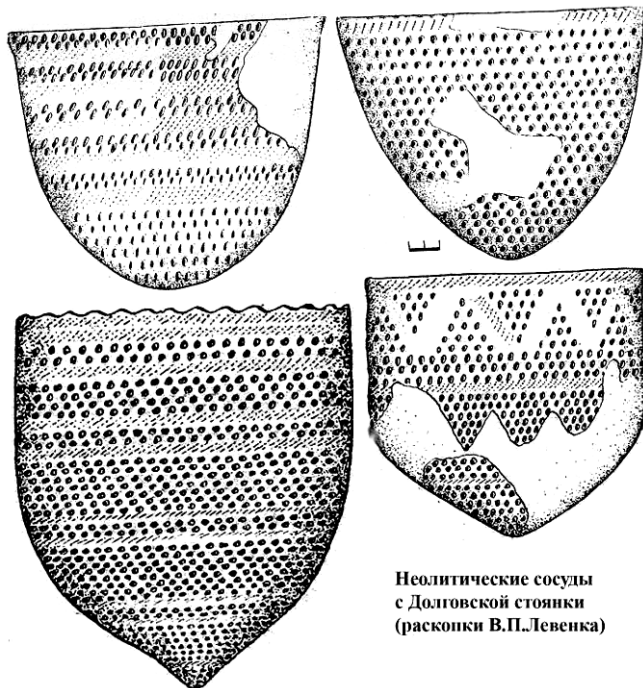
гам исследований неолита Матеры рыбно-озерской неолитической культуры. Вклад Всеволода Протасевича в археологию бассейна Дона трудно переоценить. Один из липецких исследователей древностей так и сказал однажды: «Левенок фактически создал нашу Липецкую археологию». И вклад этот по заслугам оценили еще при жизни ученого, что, согласитесь, бывает нечасто: 26 октября 1960 года Всеволод Протасевич

был избран почетным членом Данковского краеведческого общества (ГАЛЮ, р.1519, сп.1, д. 97, л.78), а в 1968 г. он стал Почетным гражданином Липецка. Если учесть, что в это время с него еще так и не был снят ярлык «врага народа», стоит отдать дань определенному мужеству и депутатам Липецкого городского Совета, судившим о человеке по его делам, а не по клеветническим наветам «органов» и завистников.

Именно 1968 год стал последним в истории Верхнедонской экспедиции В.П. Левенка. Итогом донского периода работы стала блестящая защита 22 января 1970 года в Ленинградском отделении Института Археологии АН СССР диссертации «Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесной зоны Евро-

30 тысяч рублей. В экспедиции в этом году работало около 200 человек. Среди них были московские археологи Б.Г.Тихонов, Э.А. Юркевич, Р.Ф.Воронина, сотрудники Липецкого краеведческого музея Н.Н.Федосеева и Н.А. Чабан. Среди раскопанных в зоне затопления объектов наиболее интересными оказались неолитические стоянки Ярлуковская протока, Рыбное озеро-1 и 2, «За огородами». Это многослойные памятники с древнейшей накольчатой, ямочно-гребенчатой и поздненеолитической синкретической керамикой, названной исследователем Рыбноозерской. Изучение памятников поймы Матеры позволило проследить последовательную смену культур в эпоху неолита в зоне лесостепи, где граничат культуры лесного (ямочно - гребенчатого) неолита и степного неолита с накольчатой керамикой. Там же, к западу от с.Ярлуково, раскапывались несколько многослойных памятников, в числе которых Ярлуковская протока-1 (неолит, абашевская и срубная культуры эпохи бронзы, городецкая культура раннего железного века и, в 100 м к востоку, пункт с раннеславянской керамикой V-VII вв.н.э. типа корчак). Здесь же, в урочище Перемоище меж селами Ярлуково и Казинка проводились раскопки поселения XII-XIII вв. Митькин Запор со следами жилищ, металлургического и металлообрабатывающего производства. Целая группа небольших селищ располагалась вокруг основного поселения.

Помимо работ на Матере велись разведки и раскопки на территории всей Липецкой области. В 1965 г. была открыта группа древнерусских селищ у с. Старое Тарбаево и синхронные городища Романово 1 и 2 на р. Воронеж. Уже упоминавшиеся краеведы из г. Данков в 1965 г. приняли участие в исследованиях городища раннего железного века у с.Перехваль. На р.Воронеж в 1967-68 гг. под руководством Левенка раскапывалась неолитическая стоянка Савицкое (Усманский район) и многослойные энеолитические поселения среднестоговской культуры в урочищах Большой и Малый Липяг у с.Крутогорье (Липецкий район).

Неолитические сосуды с Долговской стоянки (раскопки В.П.Левенка)

этого, конечно, очень недостаточно. Я не имею почти никакой связи с научными организациями, у меня имеются исследования городищ, селищ, стоянок, курганов – материал объемом в 4 общих тетради, но как и где и можно ли их вообще «пустить в свет», я не знаю. Имеются альбомы зарисовок кремневого материала и керамики с местных городищ и стоянок, но пока все содержится в тайне.

В.П. Левенко (справа) ведет экскурсию в Трубчевском музее у изготовленного им макета городища (1936 г.)

Много пришлось помучиться с белорусским языком, даже знакомые удивлялись: зачем он мне нужен, но на этом не кончилось. Найду в Ваших трудах какие-нибудь «микрولиты» или еще что-либо и пошел лазать по всем словарям и т.д., а потом, после, даже снятся резцы, скребки и пр. «боковые», «угловые», с «странным ретушью» и т.д.... Вряд ли Вы когда-нибудь имели такого преданного студента. Мое затаенное желание, это быть сотрудником Археологической Секции БАН, вначале я согласен быть только чернорабочим при раскопках... Зная те книги по которым учатся студенты археологических факультетов ведь можно же по ним выучиться, даже можно их наизусть выучить и даже прочесть другие книги, на них похожие? Я бы мог быть полезен как художник, я обладаю хорошим реалистическим рисунком и умением снимать планы и делать чертежи, но даже и самая простая черная работа в этой области меня не страшит – я люблю всякую работу. Да, но это только мечты, а в действительности – исследую упорно городище за городищем, стоянки, курганы, открываю неизвестные ранее памятники и во всяком исследовании ставлю основной

задачей дать возможно более полное понятие о том или ином объекте изучения со всех его сторон и в связи с окружающей природной обстановкой. Как быстро гибнут памятники древних культур и почти невозможно задержать их гибель... Уважаемый К.М.! Объясните мне одну вещь: что такое гривна? Всегда ли гривны носили, одевая их на шею? Мне кажется, что это было очень неудобно носить неподатливый, холодный металлический обруч на шее? Не известны ли случаи ношения металлических обручей на голове, как обруч для держания волос (диадема что ли?)... Я имею сведения об одном таком случае, но пока это еще окончательно не проверено. Извините за бесцеремонное обращение к Вам и, если будет время и желание, напишите. ...А пока желаю Вам всяческих успехов и благополучия. Уважающий Вас Левенок».

«Завеса тайны» с результатов поисков древностей была быстро снята после ответа из Минска: с апреля Всеволод Протасевич уже делится с Поликарповичем результатами и планами разведок. «В плане моих полевых работ, которые необходимо провести летом текущего года <...> намечен к изучению участок Трубчевск – Брянск (в первую очередь Трубчевск – Выгоничи); частично эта работа уже проведена в прошлое лето и осень и этим летом обследование будет закончено. Зимой, на учительской конференции был мой доклад и тогда же заключен договор с сельскими учителями о помощи нашей экспедиции на местах. Ваша заметка (III том «Прац», стр.243) мне известна очень хорошо, но, к сожалению, в ней есть некоторые небольшие неточности, и для такого большого комплекса вещественных памятников, как наш край – слишком мала. ...В последние годы (после П.Н.Гоголева) наш музей рядом невежественных руководителей был окончательно разрушен. Потребовался год упорной работы, чтобы поставить музей на должную высоту, но еще более работы впереди.» (Левенок–Поликарповичу 20.04.1936).

С 5 по 15 июня Левенок участвовал, с благословения К.М.Поликарповича, в разведках и раскопках под руководством заведующей Смоленского исторического музея Е.А.Калитиной, проводившихся в бассейне р.Навли. Она отозвалась о новом сотруднике экспедиции так: «В Навлю приезжал Вс.Пр. Левенок. Он очень серьезный и симпатичный человек, ценный работник-музейщик, вероятно будущий археолог. Я рассказала ему, как я сомневалась в нем. Правда он совсем не такой, каким я представляла его себе. Тем лучше». «Чем он больше говорит о себе и своей работе, тем он симпатичней. Есть у него свои странности, как у многих людей, но они не умаляют его привлекательных личных качеств» (Калитина–Поликарповичу, 30.06.1936 и 08.01.1937, ЮКМ, ф.1, д.89).

Еще весной Поликарпович рекомендовал своему новоявленному ученику детально обследовать местонахождение эпохи неолита-бронзы Холм, с разрозненными материалами которой он познакомился, посетив Трубчевский музей летом 1930 г., в директорство Гоголева. На это Левенок ответил, что «исследование «Холма» я производил; в результате собран материал в гораздо большем количестве, чем был ранее. Исследование не закончено, но сейчас можно говорить о наличии здесь могильника только для эпохи бронзы» (Левенок–Поликарповичу, 20.04.1936). В другом письме он докладывает о работах июня 1936 г., делясь их методикой и результатами: «Этим летом я на обследовании стоянок применил метод, вырабатывающийся у меня прак-

из «Костенковского рая» (из-за натянувшихся отношений ему даже пришлось бросить почти готовую диссертацию о стоянке Костенки 8). Тарасов досконально изучил всю документацию, включая записи Замятнина из домашнего архива, и через год при поддержке В.П.Левенка возобновил исследования. Ныне Гагаринская стоянка – один из опорных памятников верхнего палеолита Восточной Европы.

Приказом Б.Б.Пиотровского №53, §4 по ЛОИА от 11.07.1962 Верхнедонской неолитической отряд был преобразован в Верхнедонскую археологическую экспедицию. Иной статус – иное финансирование. Разведки и раскопки ширились. В 1962 г. на боровой террасе была открыта вторая мезолитическая стоянка правого берега реки

В. П. Левенок, 1960-е гг.

Матыра у пос.Зимник Грязинского района и третья – у не раз уже нами упомянутого села Сселки близ Липецка. Тогда же были выявлены группы древнерусских и позднесредневековых селищ селах Верхнее и Нижнее Казачье (здесь они представляли собой гнездо вокруг городища, существовавшего еще в раннем железном веке) и Даньшино. В 1962-1963 гг. велись раскопки Ново-Никольского курганного могильника II-III вв. н. э. – самого северного сарматского некрополя. Наиболее интересным оказалось погребение 7 с богатым погребальным инвентарем: украшения, кинжал и трехлопастные наконечники стрел. Материалы могильника позволяют судить не только о далеких торговых связях населения региона с Прибалтикой, Кавказом, Римом, возможно Египтом, но и о сложившейся имущественной дифференциации.

В процессе разведок 1959-1962 годов удалось выявить несколько поселений раннего железного века – городища Гудовское и Конь-Колодезь, населенные в V-III вв. до н.э. племенами скифоидной лесостепной культуры. А городища фино-угорской городищной культуры V в.до н.э. - II в.н.э. были впервые обнаружены на территории Липецкой области. В 1963 г. на р. Матыра были открыты древнерусские селища Таволжанка 1 и 2, Митькин Запор, Полозово, на р. Красивая Меча – Тютчево,

Деятельность Верхнедонской экспедиции с 1964 по 1968 годы была связана в основном с охранными исследованиями в долине реки Матыры, где строящееся «Липецкое море» при Новолипецком металлургическом комбинате должно было затопить десятки памятников археологии. Это, однако, не мешало продолжению широких разведок. Экспедиция получила статус новостроечной и мощное государственное финансирование. В 1968 году НЛМК выделил на завершение археологических работ

множество памятников бронзового века. Не обходил Всеволод Протасевич своим вниманием и древнерусские памятники, открыв группу селищ на территории г. Данкова, поселения Богородицкое, Ноавоникольское, Сугробы, Перехваль, Ильино, Сселки, Казаки, Волоотово, Сторожеве, городища Стрешнево и Долгое. Стоянка в Долгом – поныне наиболее полно и на широкой площади исследованный неолитический памятник бассейна Верхнего Дона.

В 1960 и 1962 годах проводились раскопки Долговской неолитической стоянки. Это был первый неолитический памятник верхнего Дона столь детально и всесторонне изученный. Благодаря ряду особенностей грунта здесь сохранились органические остатки, и в первую очередь костный материал и костяные орудия; хорошо прослеживалась стратиграфия поселения. Стоянка стала опорным пунктом в изучении лесного ямочно-гребенчатого неолита Верхнего Дона. Здесь было сделано множество находок: полные формы четко стратифицированной керамики, кремневые орудия: наконечники копий, дротиков, стрел, ножи, скребки, проколки; масса орудий из кости: гарпунов, наконечников рогатин, кинжалов, стрел, украшений и амулетов. Наибольший интерес представляют лопатка-копалка и роговые мотыги, говорящие о наличии зачатков земледелия и выпрямитель древков с резным геометрическим орнаментом (Липецкий краеведческий музей, №№1191-1122, 1146-1148, ОФ 63).

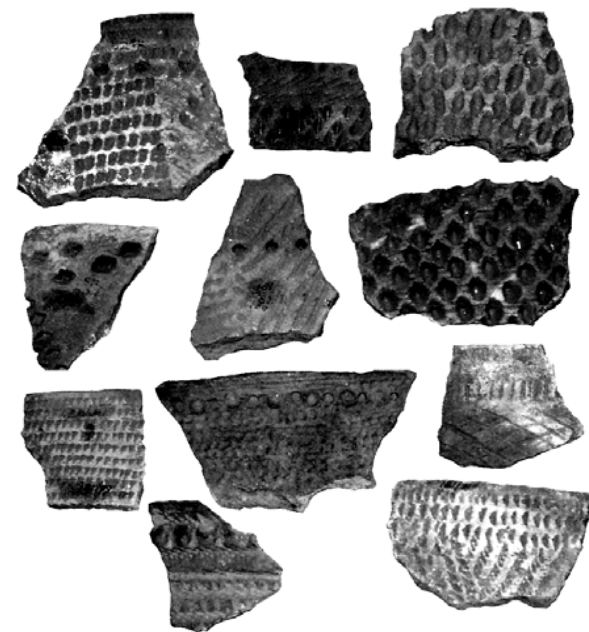
В 1960 году велись и раскопки поселения эпохи бронзы Сокольское у с. Сселки, а также исследовалось городище Сокольска – крепости Белгородской засечной черты. В Елецком районе у с. Нижний Воргол было открыто славянское городище роменско-боршевской культуры IX-X вв. Обследовано и несколько славянских памятников, относящихся преимущественно к XII-XIII вв. Так, в Данковском районе при помощи краеведов велась шурфовка городища Старого Данкова у с. Стрешнево. В 1960-1961 гг. была произведена шурфовка и Липецкого городища, позволившая впервые четко представить историю этого многослойного памятника, в год столетия Левенка серьезно разрушенного вандалами-строителями. Здесь были найдены остатки материальной культуры эпохи бронзы, раннего железного века, когда возник укрепленный пункт, а также славянские древности IX-X и XII-XIII вв.

С 1960 года в составе Верхнедонского отряда, по сути ставшего уже полноценной экспедицией, начинает работать и палеолитический отряд, возглавляемый другом Левенка – выпускником Ленинградского университета Л.М. Тарасовым. Отряд проводил разведку памятников эпохи палеолита и продолжал исследования Гагаринской стоянки. Интересна история возобновления работ в Гагарино. С первым ее исследователем – светилом археологии каменного века С.Н. Замятниным Лев Михайлович сблизился еще в студенческие годы. Замятнин часто называл его земляком – хотя сам был из Павловска (Воронежская область), а Тарасов – из Орла. Но для Замятниного все это было Черноземье, противопоставлявшееся мысленно столичной пестроте. Сергей Николаевич не раз говорил Тарасову, что планирует продолжить раскопки стоянки Гагарино, не доследованной в 1920-х гг. Однако в 1958 г. ученый в расцвете творческих сил скончался от лучевой болезни, полученной при исследовании Сталинградской стоянки. Его супруга – археолог Мария Паничкина – предложила продолжить раскопки в Гагарино Льву Михайловичу, изгнанному А.Н. Рогачевым

тически сам собой: по обрыву реки и путем закладки очень малых по площади зондирующих шурфов, прежде всего, устанавливаешь центр стоянки (по мощности культурного слоя). Часто центр оказывается уже разрушенным действием реки, и весь интереснейший материал оказывается погребенным в дне реки. Так получилось с известным Вам Холмом на реке Нерусе, центр стоянки или его большая часть оказались уже размыты рекой. Я сделал так: нашел ведро («цыбарку») с худым дном, выломал его и вставил железную сетку и в течении 2-3 жарких дней черпал со дна реки песок. Он быстро промывался и являл моему взору массу интереснейшего материала: керамики, кремня и пр. Так я выловил два великолепных ножа – пластины и много другого материала. Весь кремнь покрыт зеленовато-серой патиной от долгого пребывания в воде. Правда, научная ценность этого материала второстепенная, но для музея типа Трубчевского (помните??) и это хорошо. При такой кладоискательском методе не приходится жалеть ног, рук, головы и не во всякую погоду это возможно» (Левенко – Поликарповичу 20.12.1936).

Материал по Холму, называемому еще «урочище Осетинская Дача» (текст в двух ученических тетрадях,

план и около 50 таблиц с рисунками находок) Левенко планировал опубликовать при поддержке учителя в Минске или Ленинграде. «Текст желательно по возможности не урезать, таблицы тоже, - просил в письме Всеволод Протасевич, - Интересно, издает ли что-либо сейчас ГАИМК и может ли она поместить в своем сборнике мое произведение. Вам, уважаемый Константин Михайлович, может странным показаться этакая моя скаредная скрупулезность в отношении моих работ, но будьте снисходительны к человеческим слабостям. Я не хочу сказать, что моя работа стоит на уровне современных требований, я хочу только обратить Ваше внимание на то, что это исследование, проводившееся мною в течение двух летних сезонов, потребовало с моей стороны больших затрат времени, сил. Оно проводилось целиком на мои личные средства. Обработка материала тоже отняла массу времени и сил, и отослать работу так, чтобы ее всю искромсали, напечатали петитом две пары строк с попут-

Керамика стоянки Холм (ТКМ, фото А.Чубура)

ным упоминанием, что был «использован материал Трубчевского музея» - подвергаться такой участи не хочется. Работы свои я пишу не для какой-либо материальной выгоды. И если ее нельзя пустить в свет – пусть лучше лежит». (Левенок – Поликарповичу, 23.01.1937). Однако после волны репрессий издания Белорусской Академии наук закрыли, статья так и не увидела свет.

Помимо Холма в 1936 г. Левенок обнаружил стоянки эпохи мезолита-неолита Жерено 1 и 2, городища с культурными слоями раннего железного века и Древней Руси – Любожичи и Селец, а также раннеславянское поселение в устье Посори у с.Усох (начинающий археолог принял его поначалу за стоянку бронзового века на высокой первой террасе Десны). Кроме того, Левенок уделил время обследованию городищ Ратчино и Городок и детинца и посада Кветуни, связанных с началом истории самого Трубчевска. В Кветуни были обследованы и оба курганных могильника, исследования которых начал еще Г.М.Поршняков. На первой группе этих курганов у Чолнского монастыря В.П. раскопал несколько насыпей, включая курган №44. Им были зарисованы план, профиль и таблица инвентаря. В погребении найдены гривна из тянутой нетолстой бронзовой проволоки с заходящими концами, 6 бронзовых спиральных височных колец северянского типа, бронзовая подвеска, подвеска-гирька, бронзовые бусы, кольца-перстни и обычные сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы, а также кованые железные гвозди – два у головы и один ломаный в ногах. Сохранность костяка была очень плохая ввиду сырости (курган стоял в низине). «Раскопка данного кургана, - признается Левенок в письме к своему учителю, - была мною произведена неправильно – широкой траншеей, но спешу заметить, что это у меня первый и единственный случай раскапывания не на снос. В следующем сезоне я доследую на снос насыпь этого кургана. Последующая работа производилась мною только на снос» (Левенок–Поликарповичу, 20.12.1936).

Кветуни. Курганы у Чолнского монастыря

Заметим, что все работы велись без Открытого листа, что, правда, вовсе не умаляет их значения. Не стоит это в той части, что касается раскопок, считать положительным примером. Сейчас бы такие раскопки назвали «археологическим браконьерством». А вот разведки – поиски новых памятников. В то время сил специалистов не хватало. Да и сейчас могут ли наши академические учреждения похвастать всероссийскими масштабами разведок и охранных работ? Откровенно говоря, они очень и очень нуждаются в услугах энтузиастов-краеведов, но боятся признаться в этом. От-

т.д. Коллекция, полученная в результате этих разведок, передана в Брянский областной краеведческий музей и до сих пор она не в полной мере введена в научный оборот. Оригинальность и живость восприятия окружающего мира, и художественное мышление исследователя проявлялось порой даже в названиях открытых местонахождений. Не без юмора Левенок давал пунктам находок имена-названия: «Свиное стойло», «Бугор лесника Фили». В одиночку шел пятидесятилетний романтик по проселочным дорогам, а чаще – по болотистым поймам и лесным дебрям Брянщины. Шел, как когда-то давно-давно хаживал с другом далекой юности Даниилом Андреевым, перо которого родило об этих местах такие поэтические строки:

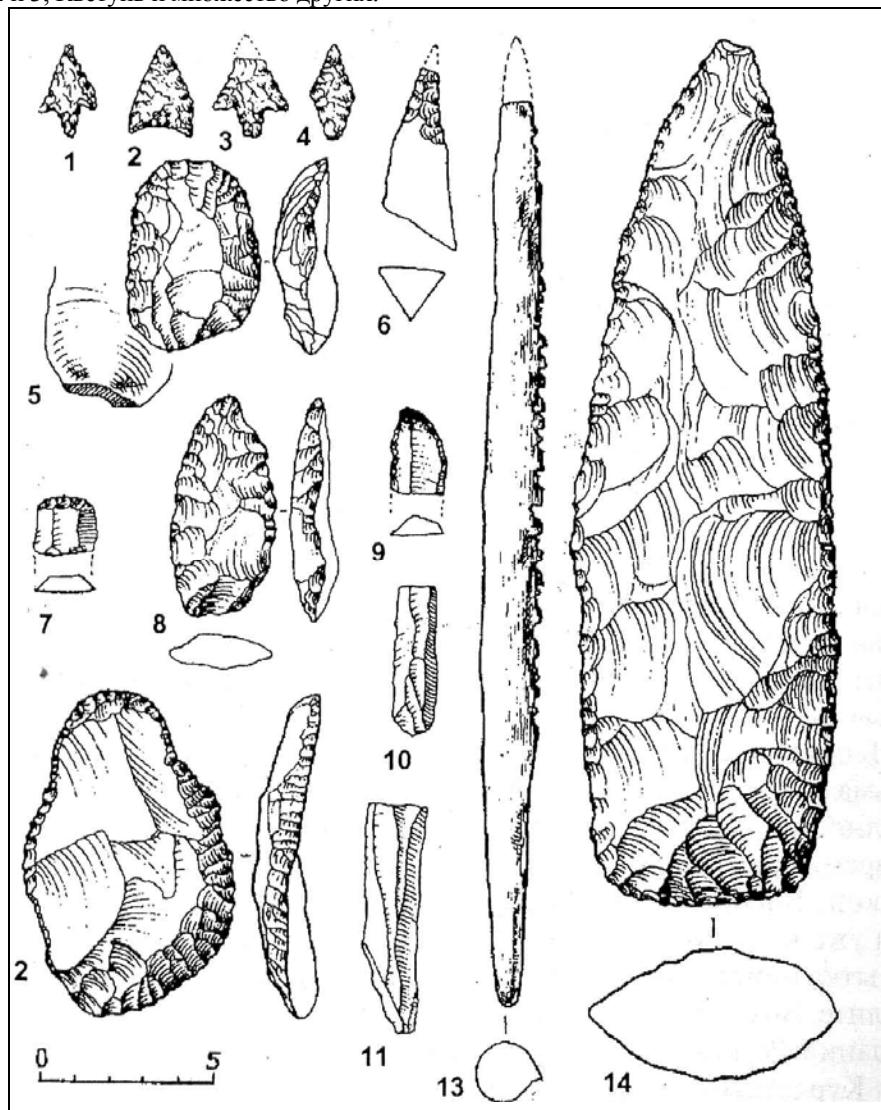
*С севера, с востока, с юга, с запада
Лишь тростник там серебрится перистый,
Хвойный шум, серебряные мхи, Да шумит в привольном небе дуб -
Всхолмия, не вскопанные заступом Без конца, до Новгорода-Северска,
И не осязавшие сохи... Без конца, на Мглин и Стародуб.*

В 1958 году ушел из жизни отец Всеволода Протасьевича. Летом этого года В.П.Левенок прошел разведкой по обоим берегам р.Сейм от с.Хвостово около Курска до с.Кудинцево ниже г. Льгова, нанеся на археологическую карту свыше 40 новых стоянок, открытых самостоятельно и в сотрудничестве с льговским учителем-краеведом Олегом Николаевичем Андреевым (1918-1995). Эту разведку Левенок проводил полностью за собственные средства: очередной пример непрерывного подвижничества. До недавнего времени отчет Левенка оставался единственным серьезным источником информации о неолите Посеймья. Разведками было охвачено. В числе открытий оказалась богатая материалом дюнная стоянка у д.Воронино под Льговом. Уже осенью 1998 г., в ходе проведения обследования разрушаемых памятников одним из авторов и сотрудниками Курского государственного областного музея археологии, было установлено, что в ныне эта дюнная стоянка полностью уничтожена карьером, а часть ее площади используется для хранения песка, намываемого земснарядом.

Сейм, блестящим росчерком поперек Среднерусской возвышенности связывающий Подесенье и Подонье, послужил своеобразной дорогой в новый регион полевых исследований. Тогда же, в 1958-м, работая с А.Н.Рогачевым в составе Костенковской палеолитической экспедиции, В.П.Левенок возглавил ее Разведочный отряд, прошедший маршрут от Воронежа до с.Каменно-Верховки. Среди открытий была мезолитическая (?) стоянка Погоново озеро на левобережье Дона, напротив Костенок. Однако в достаточно авторитарной обстановке, царившей тогда в Костенковской экспедиции, самостоятельные, имеющие на все собственный взгляд Всеволод Протасьевич и его друг Лев Тарасов, пришлось «не ко двору».

В следующем 1959 году Левенок встал во главе Верхнедонского неолитического отряда, организованного совместно Липецким краеведческим музеем и ЛОИИМК АН СССР. Впервые развернувшись на Верхнем Дону планомерное сплошное археологическое обследование территории позволило в первый же год выявить более 100 памятников, в том числе первую в регионе мезолитическую стоянку Горица в Добровском районе на левом берегу р.Воронеж, несколько поселений эпохи неолита, включая ставшую эталонной Долговскую стоянку в Данковском районе, а также

в документах под «псевдонимом» «Деснинский отряд ЛОИИМК»), он выявил около 200 памятников, относящихся преимущественно к периодам мезолита, неолита и бронзового века. Среди них поселения Монастырище в устье Навли, Сагутьево, Селец 2 и 3, Кветунь и множество других.

Неолитические орудия Посеймья (рисунок В. П. Левенка)

Были обследованы и уже известные Комягино, Святое (раскапывавшееся еще с Е.А.Калитиной), городище Овстуг, палеолитическое местонахождение Неготино и

ношения Поликарповича и Левенка могут помочь понять, как такие отношения центральной и периферийной науки могут строиться, какие подводные камни имеются на этой небезопасной, но неизбежной стезе. Кстати, Всеволод Протасевич затрагивал в переписке и проблему сохранения культурного наследия: «В журнале «Советский музей» №5 (1938 – А.Ч.) есть статья «Забота о памятниках прошлого», прочитав которую видишь, что все усилия по охране памятников есть бесполезное дело. Получается так, что если какой-либо злосчастный исследователь разроет что-либо, то это великое преступление, а если десятки и сотни курганов и городищ распаиваются и раскапываются – это ничего» (Левенок–Поликарповичу, 10.08.1938). Приходится констатировать, что в деле сохранения культурного наследия за 70 лет мало что изменилось. Главным злом отечественной археологии столичные академические чиновники по-прежнему считают не строительные корпорации и уж подавно не само государство с коррумпированным чиновничьим аппаратом, безнаказанно уничтожающее памятники археологии десятками и сотнями, а краеведов-«поисковиков», проводящих самостоятельные поиски древностей. Досадно, что мешая «божий дар с яичницей» последних причисляют к немногочисленному и действительно опасному преступному клану «черных археологов», громящих древности с целью наживы. Если бы такие столпы советской археологии, как М.В. Воеводский, К.М. Поликарпович, А.Е.Алихова Б.А. Рыбаков столь кардинально «взаимодействовали» с энтузиастами на местах, мы так и не узнали бы никогда ни об Ф.М. Заверняеве, ни о В.А.Падине, ни о Ю.А.Липкинге ни и о многих других. И об их последовавших открытиях, порой менявших парадигмы археологии – тоже...

К.М.Поликарпович, определившись со сроками своей экспедиции, которую благодаря поддержке археолога С.Н.Замятнина финансировал Музей Антропологии и Этнографии АН СССР, направил жаждавшему полевых работ В.П.Левенку приглашение. Ответ не замедлил ждать: «Только сейчас пришел из обычной археологической экскурсии, прочел Ваше письмо и спешу ответить. Принять участие в работах, проводимых Вами в Елисеевичах и других местах мне очень желательно, но беда в том, что я еще и сам не знаю смогу или нет принять участие. Не так давно я получил из музейного отдела Наркомпроса извещение о том, что для зав.раймузеями организуются в Москве 3-х месячные курсы и что все зав.ы должны явиться туда к 5.VIII., не прошедшие этих курсов будут уволены с работы. Правда эта бумажка была почему-то адресована моему предшественнику по музею – Ковалеву, но это положения не меняет. Сейчас, одновременно с Вашим письмом я получил из музейного отдела НКПроса бланк личного листка по учету кадров и извещение, в котором говорится, что после получения бланка вопрос о зачислении меня на курсы будет решен в ту или иную сторону. Так что я сейчас не знаю, буду ли я свободен от курсов или нет...» (Левенок–Поликарповичу, 11.07.1936).

От курсов удалось отвертеться, освободив время для науки. В августе 1936-го Левенок выехал по приглашению Поликарповича на раскопки верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи, где сумел выявить верхний культурный горизонт памятника, отнесенный им уже к мезолиту. В раскопках также участвовали школьники Женя Шмидт и Федя Заверняев – будущие известные археологи. Но в середине сентября

раскоп пришлось спешно покинуть – неожиданно власти выделили средства на ремонт музея. И у учителя, и у ученика осталось чувство досады, но иначе действовать было нельзя: останься директор музея в Елисеевичах и Курово еще на декаду – и ремонт был бы сорван со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на нервотрепку, Всеволод Левенок не терял чувства юмора, живописуя свои злоключения с иронией, достойной пера Ильфа и Петрова:

«Более чем многоуважаемый Константин Михайлович! Вот уже много-много дней как я порчу свои нервы, изошряюсь в ругательствах, бегаю как собака в поисках всяческих «стройматериалов» и пр. неприятных вещей... Дело в том, что все мои самые худшие ожидания, терзавшие меня кошмарными видениями еще в Елисеевичах, оправдались. Прежде всего райфо (извините за выражение) всеми силами не хотело отдавать всех денег, причитающихся нам на ремонт, но их я вырвал у них... Но это было только начало! Далее пошел собственно ремонт. Прежде всего знаете ли Вы что такое гвозди? Вероятно, нет! О, гвозди это не просто гвозди... Если бы я встретил (предположим в Елисеевичах) в культурном слое верхнего ориньяка «машинные гвозди», я бы, пожалуй, не удивился, но если я найду 1 кг гвоздей в Трубчевске для ремонта музея – я повешусь от удивления и неожиданности... Далее следует «клей столярный»... Это не просто столярный клей и его вовсе не покупают в магазинах. За ним ходят во мраке ночи в отдаленные и темные пригороды и там по условному крику совы таинственные старички долго шепчутся с не менее таинственными старушками, и те уходят в тьму и через некоторое время являются и приносят драгоценное что-то, завернутое в грязношные тряпки. Вот это и есть «столярный клей». Да, виноват: деньги отдаются вперед и полностью... Но это не все, Вы, уважаемый, забыли: алебастр, мел, доски, стекло, проволока, кирпичи и пр., и пр. Вчера мне сварили масло для покраски крыши 2 пуда (!!!), но все же лучше бы они мне раньше голову сварили мою собственную дабы прекратить строительную агонию. Но в общем ремонт идет полным ходом и когда он окончится неизвестно даже виднейшим оракулам нашей эры. С каким бы удовольствием бросил все и пришел бы на раскопки, любые раскопки, где можно отдохнуть душой, израненной обо всякие гвозди. Хорошая в сущности вещь эти ориньяцко-слонячие залежи, которые можно не спеша раскапывать «галыштатом» и шпателем, не рискуя наткнуться на гвозди...».(Левенок – Поликарповичу, 06.10.1936).

Но даже у поглощенного хозяйственными заботами Левенка время для археологии оставалось, ибо любимое дело само о себе регулярно напоминало. Осенью 1936 г. в центре Трубчевска при рытье погребка было вскрыто богатое древнерусское женское погребение с подвесками (подделками под дирхемы, лунницей, сердоликовыми и другими бусами, перстнями и головным обручем - гривной). Гривна, найденная на черепе при рытье погребка, по словам Левенка, является копией описанной для кургана 44 из Кветуни. Учтывая то, что два подобных погребения были найдены ранее в усадьбах неподалеку, Левенок пришел к выводу, что «в XI-XII вв. в местах этих находок были курганные группы, снесенные при расширении города... Погребения, положенные на грунте, уничтожены бесследно, в грунтовых ямах – сохранились» (Левенок–Поликарповичу, 20.12.1936). Древнейший период интересовал Левенка

(или местных полицаев), гордо отказавшись выйти на прежнюю работу и, тем самым, бросив творение рук своих и собранные им частицы самой истории на произвол судьбы? Что может быть глупее такой «патриотичной», но абсолютно бессмысленной жертвы? Но, возможно, романтик-археолог просто струсил и не при чем здесь рассуждения о «деле всей жизни»? Такое обвинение было бы не менее надумано. Мог ли патологический трус бежать из концлагерей, перейти линию фронта, не сломаться на допросах СМЕРШ, а затем идти в бой за Родину, пройти с оружием в руках пол-Европы? Ответ очевиден. Однако власть рассудила иначе: только в 1992 г. Левенок посмертно был реабилитирован Генпрокуратурой России и то только лишь по первому пункту обвинений. Справедливость не восторжествовала до сих пор: героями наивно продолжают считать тех, кто уничтожал фонды музеев при отходе Красной армии. А тех, кто любой ценой сохранял для будущего музейные коллекции, по-прежнему относят к «предателям» и «врагам народа». Левенок не одинок в своей трагедии. Похожая судьба постигла многих других музейщиков нашей страны, продолжавших работать и хранить историю в период вражеской оккупации. Отправилась в лагерь уже известная нам по раскопкам 1936 года Елизавета Калитина, выпущенная на свободу «за недоказанность обвинения» только спустя долгих пять лет, пошли под суд с клеймом «коллорабационистов» херсонский археолог Александр Тахтай и его коллега симферополец Александр Полканов. Директора Малоярославецкого музея К.Я.Виноградова, специалиста по фатьяновской культуре эпохи бронзы – того все повесили партизаны.

Как перенес лагерный кошмар Левенок? Обратимся к его письму, написанному немного ранее: «люди за науку шли на костер, а посидеть несколько лет в заточении все же не так страшно. Жалко только, что на это время буду оторван от научной работы» (Левенок-Поликарповичу, 18.11.1946). В октябре 1955 г. Всеволод Протасевич вышел на свободу по амнистии и сразу вернулся к любимому делу. Коллеги, знавшие подоплеку событий, отнеслись к нему сочувственно. Он вновь стал лаборантом, а затем младшим научным сотрудником отдела палеолита ЛОИИМК.

Надо заметить, что находились среди «научной элиты» и такие, кто пытался глумиться над ним, заставляя по несколько раз зарисовывать одни и те же предметы из своих коллекций по солдафонскому принципу: «Мне не важно чтобы вы сделали эту работу, важно – чтобы замучались...». Левенку приходилось безропотно сносить такие издевательства, не теряя страсти к науке. Парторг тогдашнего Института устроил скандал, узнав, что Левенок рисует в рабочее время не только «чужие» коллекции по заданию мэтров, как лаборант, но еще и собственные материалы разведок. Ему навесили тогда ярлык «лаборант-докторант». И все же в большинстве своем Левенка окружали умные и доброжелательные люди, работающие для «Ее Величества Науки», а не использующие науку для удовлетворения собственной гордыни. Всеволоду Протасевичу было уже под пятьдесят, но он оставался неутомимым, продолжая и работу, и обучение. К 1963 г. он окончил заочно истфак Ленинградского университета по кафедре археологии.

В 1956-1957 гг. он продолжает прерванные арестом исследования в Подесенье. Проходя сложнейшие маршруты в одиночку и за свои личные средства (и фигурируя

умерла мама. Чтобы съездить на родину и помочь близким разделить общее горе, пришлось потратить последние и без того скудные средства. Лишь 10 марта 1949 г. Поликарпович, приехав в Ленинград, выплатил Левенку солидный долг по жалованию за работу в экспедиции 1948 г., что поправило пошатнувшееся материальное положение. Месяц прошел за совместной обработкой коллекций МАЭ, а летом Всеволод Протасьевич, студент-заочник ЛГУ и лаборант ИИМКа участвовал, и не безрезультатно, в новых экспедициях, ставших по его же словам «больше чем привычкой – потребностью» (Левенок–Поликарповичу, 21.12.1948). «Я в этом году был в экспедиции И.Г.Пидопличко²⁴ и П.И.Борисковского в Приазовском крае (Амвросиевка). Место интересное и даже загадочное: скопление костей зубра (700 особей), на будущее лето будем продолжать. Лично я при обследовании в бассейне р.Миус открыл нижний палеолит²⁵; несколько десятков кремней сдал в Киев и штук 40 привез в Ленинград. Много ручных рубил и других орудий. Буду делать доклад в ИИМКе» (Левенок–Поликарповичу, 21.10.1949). В следующем 1950-м помимо раскопок Амвросиевки в качестве начальника раскопа Левенку удалось поучаствовать и в исследовании городища Саркел – Белая Вежа, в зоне строительства Цимлянского моря на Дону.

А в январе 1951 г. он неожиданно был арестован органами МГБ во время поездки в Воронеж и вскоре осужден Воронежским военным трибуналом по ст.58 ч.1 (антисоветская агитация и пропаганда) и ст.57ч.3 (измена Родине) УК. Инкриминировали ему во втором случае то, что музей в Трубчевске не был эвакуирован, действовал в период оккупации, а затем оказался разграблен и вывезен фашистами при отступлении. Арест Левенка представляется далеко не случайным. Ведь речь идет об НКВД-МГБ. Вот уж где никого и никогда не забывали! А Левенок, меж тем, гулял на свободе более пяти лет после войны. За фактом ареста стоит донос, сделанный человеком, раздосадованным неожиданным взлетом земляка-трубчанина на «столичные высоты». Увы, такие отношения между работавшими вместе коллегами складываются в археологии (да и в других отраслях науки, наверное) намного чаще, чем хотелось бы. Только следователь МГБ, к счастью, не всегда и не у всех оказывается «под рукой»...

Работа Левенка в годы оккупации, по большому счету, могла бы и должна была быть расценена не как предательство, а напротив – как почти безумная самоотверженность. Ведь он, не размениваясь по мелочам, сумел не предать главное дело своей жизни. Не бросил музей, в который вложил свою душу. И при этом не предал ни одного человека – тут все трубчане, с кем удалось поговорить на эту тему, единодушны. В чем же сотрудничество с оккупантами – в сидении в холодном здании музея, окна которого были забиты досками, музея, не принявшего за годы оккупации ни одного посетителя? Неужели археолог должен был, рванув рубаху на груди, с криком «Да здравствует Сталин!» встать под дула автоматов расстрельной команды вермахта

24 - Пидопличко Иван Григорьевич (1905-1976) – украинский археолог и палеонтолог, впоследствии – академик АН УССР, создатель и директор Центрального научно-природоведческого музея в Киеве.

25 - разведки велись по поручению ИА АН УССР. Открытие в литературе приписывается лично начальнику экспедиции П.И.Борисковскому, возможно потому, что к моменту публикации В.П. Левенок уже подвергся политическим репрессиям.

меньше, но тоже не был оставлен без внимания: «Километрах в 15 от Трубчевска, ниже (на юг) по Десне есть село Селец и там за последние годы находили много костей мамонта, нашли рог северного оленя и т.д. Я думаю, что Вы приедете к нам, а весной я сделаю предварительный осмотр этих селецких мест на предмет выявления остатков человеческой деятельности на местах находок этих костей. Так как я на палеолит не особенно падаю, то все, что касается последнего, я Вам передам с удовольствием. Правда, кто залезет в наш край с целью исследовать городища – тот отнимет у меня смысл моего существования на земле, потому что это мой конек и с него добровольно я не слезу» (Там же).

1936 год ознаменовался и ещё одним важным событием в истории Трубчевского музея. В.П.Левенок привлек к работе в музее Василия Андреевича Падина, служившего директором кинотеатра и регулярно навещавшего свою жену, которая работала на метеорологической станции, располагавшейся в то время в музее. В лице Падина Левенок получил способного и надежного коллегу, как на музейном поприще, так и в занятиях археологией. Впоследствии с 1945 по 1987 г. В.А. Падин был бесшестименным директором Трубчевского музея.

Закончив ремонт, Всеволод Протасьевич взялся за коренную перестройку экспозиции музея: «...Пишу картины, этикетировать материалы, определяю кости «чацьварцёвых выкапальных живёл⁸». Для этого приходится рыться в книгах, а подчас и выписывать нужные. Особенно много пришлось догадываться как строится (по каким правилам) зубная формула мамонта. Сейчас привожу в порядок отдел доклассового общества – отдел, где собрана вся моя археология. Обследованиями и исследованиями этого лета собрал очень много материала и теперь все это надо обработать, описать, зарисовать, изучить, нашить на планшеты и сдать в экспозицию музея. Очень много работы, работаю без выходных и отпусков. Оформляю музейную экспозицию, веду раскопки, читаю и вижу, что сделанное мною какое-либо определение год назад неправильно – и опять приходится читать и переделывать некоторые места экспозиции. Вот почему я сейчас еще не решаюсь отсылать для напечатания свои исследования, несмотря на то, что их накопилось довольно таки много и со стороны графической они оформлены удовлетворительно. Тем более, что даже великие люди, «генералы от науки» и те иногда сбиваются, а старые спецы почти все поголовно подвержены смертным грехам вроде теорий: расовой, миграций, культурных заимствований, формально-типологическому методу и пр. Прежде, чем решиться печатать, нужно многому еще учиться и проверять каждую строчку своих «стихов о черепках». Правда, стараюсь как можно меньше делать общих выводов, чтобы не быть похожим на навлинского Романова⁹, разглагольствующего об «отважных кудеярах», «городищах неолитического века», «славных витязях» и пр. белиберду...» (Левенок – Поликарповичу, 20.12.1936).

Жизнь научного или музейного работника всегда была жизнью бессребреника, подвижника. При условии, конечно, что работа для такого человека дело его жизни, а

8 - по-белорусски: «четвертичных ископаемых животных»

9 - А.М. Романов – краевед из г. Навли.

не место где надо отбыть рабочий день. Так это сейчас, так было и семьдесят лет назад: «В настоящее время я обрабатываю материалы, накопившиеся в результате работ лета 36 года. Материала чортова уйма и когда я его обработаю – неизвестно. Я давно не делаю так, как когда-то писал Вам, т.е. не зарисовываю и не описываю всего. Сейчас я беру только главное и типичное, но и его тоже очень много. Бьюсь над этими материалами денно и ночью, а какая от этого польза? Чорт его знает! Вероятно, скоро придется совершенно бросить этот «мартышкин труд», который никому не нужен. В самом деле, какой смысл мне получать зарплату 140 рублей в месяц, убивать все свое время, энергию и материалы (бумага и пр.) на музейную работу и исследования, которые потребуются, по меньшей мере, лет через 50 (когда все археологические памятники будут уничтожены). Эта работа, мне кажется, не нужна государству, поэтому она так низко и оплачивается. Мои знакомые работают учителями (многие из них малограмотные), получают зарплату в 400-500 рублей в месяц, а я 140! Кстати, дворник горсовета получает больше меня – 150 рублей. Занятие археологией затягивает как алкоголь. Сколько я отверг предложений взять ту или другую работу, и все только для того, чтобы больше иметь свободного времени для археологии. Но, вероятно, следует побороть себя и не ловить журавля в небе, а поступать учителем в школы города и начать жить по-человечески. ... Тяжелое положение быть археологом - кустарем, теперь я вполне Вас одобряю за те увещания, с которыми Вы обратились (в Елисеевичах) к Жене Шмиденку – «не будь ты археологом, если ты хоть немного себя уважаешь!» Но мне кажется, что Женя¹⁰ уже насквозь пропитан тлетворным духом археологии – ему (как и мне) уже отступать некуда...» (Левенок – Поликарповичу, 23.01.1937).

В 1937 г. В.П.Левенку и В.А.Падину пришлось мобилизовать все свои силы на реэкспозицию музея и на строительство в нем отдела социалистического строительства... Под него отвели лучший зал музея и «украсили» его диаграммами «роста посевных», «увеличения поголовья рогатого скота» в районе и т.д. В том же году Левенок все же смог уделить немного времени и археологии. Во время обследования долины Десны 6 августа 1937 г. К.М.Поликарпович вместе с В.П. Левенком осмотрели открытое Всеволодом Протасевичем весной местонахождение Шакин ров у кирпичного завода в Передних Городцах, где встретилось несколько ископаемых костей и расщепленных кремней. Однако денег на пробные раскопки не было. Вечером – беседы допоздна с Левенком в музее. На следующий день минский археолог посетил вместе с В.П. село Телец, где был найден бивень мамонта, но палеолита здесь не оказалось. Отобедав в тот день у Левенков по настоянию Всеволода Протасевича, Поликарпович поспешил на железнодорожную станцию. Левенок провожал учителя до моста через Десну. К 20 августа Левенок выкроил деньги на раскопки в Передних Городцах отчасти из музейных средств, отчасти из собственной зарплаты. 28-30 августа состоялись раскопки под руководством вновь приехавшего Поликарповича. «Тепло, мутноватое солнце, небо, затянутое серо-синими тучами. Против места раско-

10 - школьник из Бежицы, участвовавший в раскопках, впоследствии – ведущий смоленский археолог, доктор исторических наук, профессор Евгений Альфредович Шмидт (р.6.12.1920).

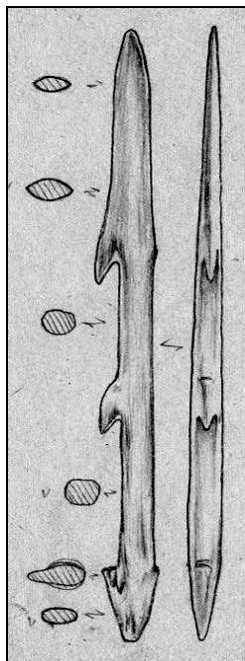
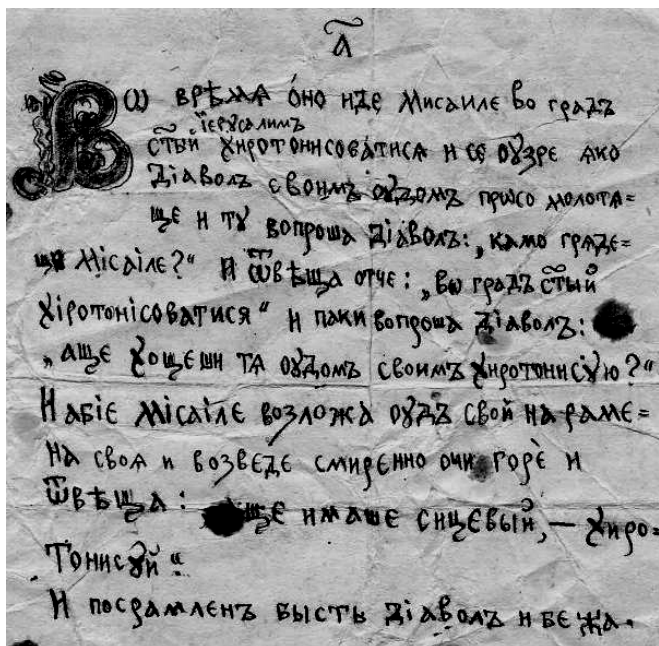
заятия археологией. Дело в том, что на В.П.Левенку обратил внимание один из ведущих археологов СССР и хороший знакомый Поликарповича – А.П.Окладников²³ и пригласил на работу в Ленинградское отделение Института Истории Материальной Культуры. Естественно там было больше возможностей для развития ученого. Еще одна веская причина в пользу переезда – продолжение заочного обучения в Северной Пальмире. Да и личную жизнь в сорок два года нужно срочно устраивать – психологам хорошо известно, это возраст душевного кризиса. Недаром Валентин Гафт в одном из своих стихотворений пишет: «И в сорок два закончили и Пресли и Дассен, и в сорок два закончил петь Высоцкий...». Первого ноября 1948 г. Всеволод Протасевич уволился из Института Истории АН БССР и вернулся в Ленинград. Начались мгыгарства с пропиской, без которой в штат ЛОИИМК (как и в любой другой) не принимали. Поселился Левенок на 18-й линии Васильевского острова.

Переезд не нарушил связи с учителем. Сотрудничество продолжалось, более того Левенок даже помогал Поликарповичу в подборе новых кадров для Института Истории АН БССР, вел переговоры на этот счет с А.Н.Рогачевым, И.Г.Митрофановым. Сам-то он переехал во вторую столицу вовсе не на синекуру: многие специалисты, напротив, пытались покинуть славный град Петра, чтобы обеспечить семью самым необходимым. Вот что, к примеру, писал К.М.Поликарповичу всемирно известный впоследствии палеолитовед А.Н.Рогачев: «Жду В.И.Равдоникаса из Москвы, чтобы получить разрешение на поездку к Вам в Минск для переговоров о возможности постоянной работы в Вашем секторе. Глубоко сознаю все минусы этого предприятия, но вынужден поступить так ввиду крайней необеспеченности меня в ИИМК на протяжении последних 1,5 лет. Я до сих пор получаю 1000 р. и не имею квартиры (всего лишь 9 кв.м. комнату на 4 человек). Здоровье мое, жены и сына, переживших блокаду в Ленинграде, находится под угрозой. Если в результате переговоров выяснится, что Минск может обеспечить меня лучше, чем ИИМК, я немедленно переезжаю к Вам. Спротивление дирекции ИИМК легко преодолеть, так как я их обвиняю в моей необеспеченности положенным штатным окладом. Сложилась обстановка так, что о нормальных условиях работы остается только мечтать. Тяжело покидать ИИМК и Костенки, но ответ «пусть сидит на 1000 р.» меня возмущает. Надеюсь, дорогой Константин Михайлович, что с Вашей помощью я без значительных трудностей приобщусь к археологии Белоруссии. А если будут попытки вернуть меня в ИИМК, я сохранию гнев. П.П.Ефименко о моем таком решении не знает – второй месяц отдыхает где-то в Кисловодске, в Костенки приехать он не выбрал времени, общался со мной только телеграммами...» (Рогачев–Поликарповичу, 23.11.1948; ЮКМ, ф.1, д.36/5, л.1). Так что нищенские зарплаты ученых – беда не только современной России. Скорее – недобрая, но давняя традиция Отечества нашего...

Тяжело пережил Левенок неожиданную кончину одного из своих учителей-археологов – Михаила Вацлавовича Воеводского. А 19 декабря 1948 г. последовал еще более страшный удар – у Всеволода Протасевича от третьего по счету инсульта

23 - Окладников Алексей Павлович (1908-1981) – археолог, этнограф, историк, академик АН СССР (1968), Лауреат Сталинской премии (1950), Государственной премии СССР (1978).

С 1 февраля В.П.Левенок – уже младший научный сотрудник Института Истории. Весь март и апрель 48-го он с К.М.Поликарповичем посвятил командировке в Ленинград – помогал обрабатывать в Кунсткамере коллекции стоянки Елисеевичи. Он был пленен весенней прелестью северной столицы, и это вскоре принесло перемены в жизнь археолога. Летом 1948 г. продолжались раскопки в Елисеевичах. Только в дождливые дни с разрешения начальника Левенок мог вести собственные разведки, большей частью касавшиеся открытой два года назад неподалеку мезолитической стоянки Комягино. Не обошел он вниманием и древнерусское селище, оказавшееся в непосредственной близости от стоянки Елисеевичи.

Неолитический гарпун из реки Сож на рисунке В.П. Левенка и одна из его шуточных «грамот»

В сентябре 1948 г. он отправился в Ленинград на очередную сессию в счет личного отпуска, одновременно выполняя целый ряд поручений шефа. В осеннем Питере легко подхватить простуду: «Я еще нигде не был, да куда и не хочется ходить, хочется отдохнуть от всего. К тому же я чувствую себя совсем неважно – грипп в сильнейшей степени. Погода гнусная. Лежу на диване и слушаю радио или читаю Равдоникаса. Ленинград уже не производит на меня того чарующего действия, как в наш приезд сюда весной, возможно в этом повинна и безобразная погода с целодневной тьмой, дождем, желто-грязным небом... тьфу! Хочется в Минск» (Левенок–Поликарповичу 28.09.1948). Но, несмотря на осенние дожди, за время отпуска Левенок принял неожиданное решение сменить место жительства и работы, продолжая

поп, на южной стороне рва, на горе, три больших дерева. Их тихий шум долетает сюда, тихий, печальный шум», - записал Константин Михайлович тогда в своем дневнике. Исследования показали, что культурный слой был разрушен еще в древности, однако так или иначе, палеолит под Трубчевском был найден, и В.П. Левенок был его первооткрывателем. По осени продолжал директор музея и самостоятельные разведки, обследовав селище и городище в урочище Макча, раскопанные уже после войны В.А. Падиным, принимавшим участие и в довоенных работах. Впрочем, в этот сезон Левенка родился сын. Из-за ремонта и перестановок в доме, проведенных с рождением ребенка, затерялись некоторые чертежи по Шакину рву. Это объясняет, почему в архиве ИИМК отчет К.М.Поликарповича содержит только описательную часть.

В декабре горсовет еще не удосужился выплатить Левенку зарплату за октябрь. «От задержки денег, - писал он, - сильно приходится свертывать работу в музее (вернее ту ее часть, где работают наемные мастера). Меня также очень много отвлекают от музейной работы разные художественно-оформительские задания, которые мне навязывают, совершенно не считаясь с моим временем и которые нужно делать очень быстро и бесплатно. Это – декорации, плакаты, стенгазеты и пр. У них выработалось такое отношение ко мне, что музей это неважное учреждение и что работника музея можно систематически перебрасывать на другую работу без ущерба чему бы то ни было. Иной раз даже дают писать вывески! Помощи музею никакой, никакого внимания и интереса... Работаю отчаянно, трачу свои личные средства на нужды музея, уже затратил несколько сот рублей: жизнь идет и музей должен функционировать, но если ждать когда выдадут деньги музейного бюджета, то это будет равносильно прекращению всякой работы» (Левенок–Поликарповичу, 7.12.1937).

В одном из писем Левенок рассказывает любознательному Поликарповичу о местной топонимике иронизируя «на грани», что говорит об уровне доверия между коллегами: «Корень «рай» в Трубчевске очень распространен: Райком, Райисполком, Районо, Райфо, Райздрав и т.д. А если говорить серьезно, то пока известно только одна деревня Чухрай или Чухраи, и по-видимому от украинского корня «чухрать» - идти, переселяться» (Левенок – Поликарповичу, 10.08.1938).

В 1938 году Левенок полностью поглощен музеем, времени на экспедицию почти не остается, удалось провести лишь небольшие работы на Кветунском некрополе. «Участвовать в палеолитических раскопках в этом году мне при всем желании не придется, - пишет Левенок пригласившему его на Бердыжскую стоянку Поликарповичу, - так как я взял на себя такое громоздкое дело, как организация антирелигиозного музея. Дел и по экспозиции, и музейно-ремонтно-хозяйственных уйма. Мы отошли от Смоленска и для нашего музея это большой минус, так как Смоленские музеи – это большая сила. Даже учитывая некоторые дефекты и несовершенства их работников, все же там ведется научная работа и есть ценные коллекции. В июне у нас был директор Орловского межрайонного (так он сам себя именует в своем штампе) музея. Начал он с великим апломбом с того, мол, в Севске мы закрыли музей и в Трубчевске то же нужно сделать. Что «я, мол, работаю в Орловском музее всего второй месяц и все уже знаю лучше старых музейщиков». Я ему дал понять, что я за

музейные гроши не особенно держусь, работаю не из-за денег, и если мне в работе будут мешать, то я, не раздумывая долго, брошу музей, и буду жить по-человечески. В общем, я с ним поссорился, потому что не могу терпеть заносчивых и придирчивых людей. Начав с ругатни, этот зав окончил тем, что просил у нас для своего музея археологических предметов, документов, старых книг и т.п. По его словам у них даже некому определять керамику и для этой цели они, платя большие деньги, будут выписывать Воеводского¹¹. Одним словом, ждать от них помощи нашему музею не приходится. Из находок в музее фауна есть кое-какая, бронзы нет. Найден мною на «Колесных буграх» (многослойное поселение Бороденка – А.Ч.) железный серп, кремневое тесло и пр. Ни Макчи, ни стоянок, ни курганов я раскапывать не буду, потому что не имею Открытого листа» (Левенок – Поликарповичу, 10.08.1938).

Но Открытый лист, при поддержке Константина Михайловича был выдан Левенку уже в следующем 1939 году. С этой поры Всеволод Протасевич уже не только де-факто, но и де-юре перешел из когорты краеведов в когорту ученых. А уже осенью 1938 г. В.П.Левенок поступает на заочное отделение музейно-краеведческого факультета Ленинградского политехнического института им. Н.К.Крупской¹² по музейно-краеведческому факультету. Летом 1939 г. Трубчевский археолог участвовал в раскопках верхнепалеолитической стоянки Пушкари 1 на Десне недалеко от Новгород-Северского (отряд П.И.Борисковского¹³) и в поисках палеолита по всей Деснинской долине (в составе отряда В.А.Хохловкиной). Он участвовал в обследовании местонахождений раннего палеолита Араповичи, Язвы и Ореховый Лог у Пушкарей, а также Неготино на верхней Десне (на этом памятнике В.П.Левенок произвел повторные сборы материала уже в 1956 г.). Там же на Верхней Десне, неподалеку от села Дятковичи, Левенком было открыто селище с материалами роменского времени и древнерусского периода. Исследовал он также городище Макча в с.Усох, которое еще в прошлом году изучать не надеялся.

В 1940 г. увлекательная работа в составе Деснинской экспедиции была продолжена. В целом экспедицией руководил М.В.Воеводский – археолог-энциклопедист, талантливый ученый, организатор и педагог. Школа этого «предприятия Десна», как величал свое детище Михаил Вацлавович, дала стране не один десяток великолепных специалистов в области археологии и геологии. Всеволод Протасевич, пообщавшись с Воеводским и Хохловкиной, начал исследования геоморфологии долины Десны с целью классификации расположения археологических памятников. Он самостоятельно поставил несколько тысяч зачисток по обоим берегам Десны, имея в виду в первую очередь характеристику выявленных им «безрельфных пойменных стоянок суббореального времени» (неолита). Изучал климатологию, геологию, почвоведение.

11 - Воеводский Михаил Вацлавович (1903-1948) – археолог-энциклопедист, создатель и начальник Деснинской комплексной археологической экспедиции, крупный специалист по палеолиту, профессор МГУ. Сделал огромный вклад в изучение археологии бассейна Десны и других регионов страны. Один из учителей В.П.Левенка в области археологии.

12 - позднее – Институт Культуры им. Крупской.

13 - Борисковский Павел Иосифович (1911–1990) – один из крупнейших археологов-палеолитоведов, преподаватель Ленинградского госуниверситета. С 1952 г. доктор исторических наук, профессор.

«Послать уведомление или Довавление к читателю благочестивому. О, читателе благочестивый. Всякую еси взялъ на себѣ заботу члѣтняя сего многомудра, злыо приуграшена витіемъ словез, аки лозы вынограднаа, сияющуъ смысли аки хвост индиктѣптицы, возвъщающуъ намъ свѣтъ учености, яко радуга Божіа творильна, книжицу сію, ркомую Архитльктѣра Блѣорѣссин АІ-ГІ вв. Оае, читатльаю благоразумный, се ли не үхищреніе вольнодумное, яко воспеваніе Сиріна еже Сатиреконтъ, мнелъ ли ты, о благочлѣстивый, о сихъ трудоѣ, яко аз многогрлшный и нлѣдостойный равѣ божій воспріа есве отъ сей книжице? Прължльнлль сль многотрудное, яко каменевращльнлль, претворено и со Богомъ святымъ сотворено в ГІ день от зачала, льта АЦМН, льсеца ІАНУАРІЯ индикта В в ГІ день на памяти Н (сорока тысящъ) братьевѣ, нже въ богне страждущихъ по самыи үши. Радѣется зельр тенета избывѣ, радѣется купецъ прикупы сотворивѣ, радѣется женихъ, нже от невльсты үтече, радѣется спекулантъ худой товаръ продаде, радѣется аспирантъ чюжія мысле присвоаяѣ, тако радѣется книжный списатель, сиречь аз худый рав мнихъ (нмреть), блүтатинѣ сію развьдль, яко клѣѣ нитяной, кошками пресморганый. Ёй, Господи, истинно глаголю вам, вльсь в перста перо вкладай, Дүхъ Тмы чернило наведе, Ангелъ Пренсподень рүкома водая и тако писаніе мною сотворено. Тако и сицевый. Але не отрлькүсь, яко мұдра. Ёгда же отъ трудо сего сүгүѣва опочивѣ (вонмемъ), длань въ сүдорозль ерзай, десница же онеме и яко мртѣа паде, очеса на лов повывиде, зүѣѣ расшатахүсь, үхи закладе, главою скорвен высть, пронос пронесе, и прочая недүзи воспріав сүщи. Радүйся читателе смиренномұдрый, еже ты отъ сего трудо возмоглъ изльтъ и сіе, скажемъ, пронзметчанное, изначальное, слововоспареніе приуготовано сүщү прочтати. О, мұдрости твоея, о читателе, азъ давно прослүханъ зльте. Мира видимаго искүсншся и многое в үмль своємъ возвьде: тако яко от зльметрүселнщъ чрезъ погнишлє мльста Геркүланүмъ и Пекла и теченіе гигієны огненной и вльство египтовѣ и прочнхъ синьороф и пилонѣѣ и прочнхъ вльыхъ костей и эклектиковѣ. Изльганіе вльгствомъ извне города и огненный стлїхй въ смысле пожара, тоестъ къ выходу, тоестъ вльгствомъ во спасеніе. Түне. Полное давленіе и взаимодавство и нагроможденіе трүповѣ, яковы обструкція и експлютація мұжика, в частности лаптехрүстеніе и иной Дракохрүсть, тоестъ, по үлицам Помпея старичковѣ въ грязь и по голове. Сіе по историчествү. И по многимъ инымъ наукамъ многое. Многое же которое ты знаешь, о читателе, братъ мой, во Христе высококорректный. Господа мон многомилостивыи. Но всё сіе льсть сиречь. Что то. И ничто иное. И многое кое что, скажемъ, и я знаю. Как высть трүсь и гладъ и созвьздіе на главы наши и многіе извьєны үсчёркѣ. И поврежденіе многообломное въ изначальномъ, скажем, австрало а византийскомъ компартименте. Все сіе я превзошолъ и еще чтото допльнительно. Хотя много знаю итакъ. Но Господа прошү доавать по себекоштү, тонсть воүниверсестептъ. Но ты, о читателе, благонадлжнй, зри все сіе я үже возникъ и еще чтото. Не можешь ли еси ты, скажемъ, денно и ношно мечтүя пронзметчати и проникъ мою ерүндіцію всеобшүю. Такожде и языкъ мой в основе своей констрүкціи нлмьет элементы. Чего же ты задаёшься? Что позналъ еси? Токмо что въ малой точін видяхүсь, аки влоха по дорозль пронсходя, во спинной крыж вгрызеся, дондежль дүхом үпаде. Ничегожль ты не вльдаешь. Да и где тебль косолапомү. Дүрак, о читателе мой искреннолюбимый, врат мой, сльзно прошү тебе, драгій мой, прости мене многогрешного, скажем, аминь и Богү слава. О читателе, пошел ты къ чортү».

не впервые встречены именно на этой стоянке, и фиксация которых, столь необходимая и важная для археологии, является всецело заслугой В.П.Левенка» (ЮКМ, ф.1, д.12/1, л.1). Сводный чертеж первого Юдиновского жилища из костей мамонта, вошедший в классические издания по археологии, принадлежит руке Всеволода Протасевича. Порой, когда начальник экспедиции вынужден был отлучиться из Юдиново, он брал на себя непосредственное руководство раскопками, вел полевой дневник.

Одновременно им при участии Ф.М.Заверняева и Л.А.Михайловского велись и разведки в окрестностях Юдиново и небольшие раскопки на городищах раннего железного века – Долботово 1 и 2, открытых еще Д.Я.Самоквасовым, Большом и Малом Посудичских, Суворовском. В процессе разведок были открыты городище раннего железного века Храповка на р.Бойня, древнерусское селище Посудичи 5, многослойные поселения Посудичи 6 (Стоило) и 7 и, наконец, летописный древнерусский город Рогов (городище Рогово). В Долботово, в частности, небольшие раскопочные работы велись 30 сентября. Результаты многолетнего изучения городищ юхновской культуры раннего железного века отражены Левенком в вышедших в Киеве и Москве статьях, которые до сих пор не утратили актуальности и являются, пожалуй, наиболее значительными обобщающими публикациями на эту тему. Конечно, не вполне убедительна гипотеза о генетической связи юхновской и чернолесской археологических культур, первая, безусловно, не вытекает непосредственно из второй, но значения введенного в оборот материала это ничуть не умаляет. Две основных на сегодняшний день гипотезы выводят происхождение юхновцев от носителей бондарихинской или соницкой культур позднего бронзового века. Последняя, на наш взгляд, более логична, учитывая общность территории, сходство керамики, и то, что в районе распространения юхновской культуры многочисленны балтские гидронимы, чего не наблюдается в пределах ареала бондарихинских племен.

В октябре продолжились начатые еще до войны раскопки в Курово, где на вскрытой 24 шурфами площади 184 кв.м удалось обнаружить лишь немногим более 20 бесспорно обработанных человеком кремней – немногочисленные отщепы, ножевидные пластинки, резец, осколки, чешуйки. Основная работа легла на плечи В.П.Левенка. Древняя стоянка оказалась, как и Шакин ров, разрушенной в древности, кости мамонта залегали в основном отдельно от кремней.

С сентября 1947 г. В.П.Левенок возобновил заочное обучение – теперь на кафедре археологии Ленинградского государственного университета, а в ноябре наконец-то был принят сначала временно, а затем и на постоянную работу лаборантом в Сектор Археологии Института Истории АН БССР. Планы были грандиозные – исследование неолита бассейна Десны. Но Президиум АН БССР 19 ноября 1947 г. решил урезать финансирование. На заседании Сектора Археологии в числе прочих исключили и исследования, планировавшиеся Левенком на 1948 год. Крах надежд! Однако чувство юмора и здесь ему не изменяло, о чем свидетельствует его творческая реакция на порученную работу с рукописью «Архитектура Белоруссии 11-13 вв.», оформленная в стиле семинаристов XVI-XVII вв. и датированная 12 января 1948 г.:

Почти готовая диссертация на эту тему погибла в годы войны. В 1941 г. увидела свет первая его научная публикация, посвященная исследованиям 1930-х гг. под Трубчевском. В ней Левенок опубликовал результаты своих исследований по городищам раннего железного века и Древней Руси у сел Любожичи, Радутино, Селец, Кветунь, в г.Трубчевске, древнерусским селищам в урочище Хохлы в устье р.Посорь.

В последние годы перед войной Левенок упорно и много работал. Свои работы в виде отчетов и тематических изысканий он обильно снабжал высококачественными рисунками на ватмане и отсылал в ИИМК в Ленинград. Кое-что из них готовилось к печати под редакцией П.Н.Третьяков. Но затем разразилась война, и большинство работ было утрачено... Летом 1941 г. несмотря даже на начавшуюся Великую Отечественную войну, археологические изыскания Левенка были продолжены.

О том, как сложилась судьба В.П.Левенка в военные годы, и по сей день ходит немало пересудов, отчасти основанных на сфабрикованном органами и земляком-доносчиком «деле», хранящемся в архивах ФСБ. В личном деле археолога, хранящемся в архиве ИИИМК РАН информация об этом периоде также краткая и несколько противоречивая. Поэтому предоставим слово самому Всеволоду Протасевичу, рассказавшему все по свежим следам в письме К.М.Поликарповичу от 11.01.1946:

«Дорогой Константин Михайлович, к археологии я пришел вполне сознательно, окончательно и очень основательно задолго до войны (я помню, как Вы в 1936 г. в Елисеевичах отговаривали молодежь от посвящения себя археологии, и Вы были очень правы – научная работа это подвиг, и не каждый на него способен). Наряду с многочисленными несчастьями война лишила меня возможности заниматься археологией и это относится к наиболее тяжелым переживаниям военного времени...

С начала 1941 г. я находился в Трубчевске и работал в музее. По первой мобилизации я не попал в Красную армию по здоровью и пошел добровольно работать чертежником при саперном батальоне, стоявшем в Трубчевске и строившем укрепления в районе Трубчевска. 3 октября немцы захватили г.Орел таким образом, что Трубчевск, лежащий далеко на запад от Орла, оказался в окружении. В Трубчевск немцы пришли 9 октября. Еще до прихода немцев я хлопотал в Трубчевском горсовете об эвакуации нашего музея на восток, но горсовет не имел возможности этого сделать. Руководитель горсовета сказал, что они не имеют возможности эвакуировать более нужные учреждения, чем музей, а музей подождет. Более того, мне не уплатили моих собственных заработанных денег 600 рублей. Около Трубчевска немцы захватили в окружение около 4-х армий, и в том числе и мой саперный батальон, который в это время разбежался. Я остался в Трубчевске.

В это тяжелое время я средства к существованию добывал рисованием игральные карты, венчиков для покойников, починкой ведер и пр. Музей оказался полностью на моих руках и я его охранял как мог – заделывал досками разбитые окна, постоянно забивал взламываемые немецкими солдатами двери, наиболее ценные экспонаты я перенес к себе на дом (к отцу). Вскоре после прихода немцев в Трубчевске была организована городская управа и назначен бургомистр. Последний издал приказ: всем служащим городских учреждений оставаться на своих местах. К уклонявшимся от работы применялся расстрел. Меня назначили заведывающим музеем, но музей оста-

вался закрытым. В городе свирепствовало гестапо. 2 февраля 1942 г. партизанские отряды напали на город и захватили многие кварталы города. Они проникли в музей и здесь устроили боевой пункт против управы и засевших в ней полицейских. Я и моя жена активно помогали партизанам, готовили им пищу, в моей квартире перевязывали раненых. Затем при отступлении я помог партизанам безопасным путем и незаметно покинуть здание музея и соседние строения. В числе этой группы партизан у меня были многие хорошо мне знакомые руководители партийных и советских учреждений. После этого налета начались репрессии со стороны немцев и полиции, и я лишь случайно избежал расстрела. В сентябре 1943 г. отступавшие немцы захватили часть экспонатов музея. Днем немецкие солдаты упаковывали экспонаты, а по ночам я их выкрадывал и зарывал в землю. С одним видным экспонатом (статуэтка) я чуть не попался и мне с супругой пришлось его срочно вернуть на место. 8 сентября 1943 г. я попал под немецкий конвой и меня погнали, наряду с другими выгнанными на запад. Со мной была моя жена и сын, которые во время бомбежки на ст. Злынка погибли от бомбы. После этого я попал в лагерь в Барановичах, где сидел в лагере около месяца. Отсюда меня послали, наряду с другими мужчинами, грузчиком на железную дорогу. Во время одной сильной воздушной бомбардировки, пользуясь отсутствием охраны, я бежал в Восточную Пруссию, где попал чернорабочим к немецкому помещику в 12 км от Кенигсберга. Моим занятием была чистка хлебов, вывоз навоза в поле, плотничья работа, распас скота и пр.

Здесь в ряде поселков в районе Кенигсберга (Юнгферндорф, Матернгоф, Арнау, Лапсау, Пальмбург и др.) русскими был организован подпольный антифашистский «Русский Советский Комитет на занятой фашистами земле». Я принял активное участие в его работе, подвергался обыскам и избиениям со стороны немцев - полицейских. Мы распространяли русские советские листовки, помогали рабам фашизма материально и морально. Помогали товарищам, засылаемым из Красной Армии в немецкий тыл, выполнять их задания. Проводили большую агитационную работу против вербовщиков во Власовскую армию. Руководили бытовой стороной жизни русских рабов фашизма. В Комитете были наиболее стойкие и сознательные русские люди из попавших в немецкое рабство. По подозрению полиции меня выслали на земляные работы в Литву, где в г. Таурогене мне удалось наладить связь с некоторыми членами РСК и помочь бежать из немецкого лагеря некоторым русским товарищам. Из Литвы мне удалось скоро вернуться, но в сентябре 1944 г. меня снова выслали в лагерь Штайнвальц на земляные работы близ Мазурских озер. Из этого лагеря меня перевели в лагерь Ланганкен, а из него в самый худший из всех лагерей – в лагерь Ной-Розенталь (близ г. Растенбурга). Здесь от голода, холода, непосильных земляных работ, вшей, травли собаками и пр. издевательств со стороны немецкого начальства и патрулей умирали сотни людей. Мне удалось бежать из этого лагеря, и я пробрался на восток к фронту. Блуждая около фронта, я четыре раза пытался безуспешно перебежать линию фронта. Затем был схвачен немцами и водворен в лагерь у г. Хайлигенбайля. Бежав из этого лагеря мне удалось с одним товарищем перебежать фронт к Красной Армии. Во время перехода немцы подстрелили моего товарища, меня же ранили, но я убежал и дополз до переднего края Красной Армии.

рынке его цена 800 руб. и дороже и плюс к этому варить пустые травяные борщи. А квартиру нанимать за что? Но, в общем, «толкач муку покажет...» и не будем предвосхищать событий... (Левенок – Поликарповичу, 02.06.1947 г.)

Третьего июня Всеволод Протасевич получил от шефа перевод на 300 рублей и занялся закупкой бумаги для экспедиционных нужд – за всю чертежную часть отвечал теперь он. Это стало поводом для ехидства в следующем послании: «Теперь, в порядке вполне «мирной дискуссии» разрешите подкузьмить Вас одним ехидным вопросом (в данном случае я обращаюсь не к моему доброму знакомому К.М. П-чу, а к некоему должностному лицу – начальнику Сектора Археологии АН БССР): оно вполне понятно (как учит нас политэкономия), наниматель и рабочий представи-

тели антагонистических классов. Наниматель стремится поменьше заплатить и заставить поменьше сделать. Рабочий – наоборот, подороже запросить и, по возможности, побольше на боку пролежать. Это святой закон природы («борьба за существование», «биологическая конкуренция» и пр. скажут дарвинисты).

Так вот, многоуважаемый начальник, каждый ли лаборант многочисленных институтов АН БССР обязан одновременно выполнять и функции художника??? (вижу Ваше минутное замешательство и... злорадно хихикаю). Ответа на сей раз не следует, а следует вывод, что начальник «мудр аки змий...» Только, пожалуйста, не сердитесь и не обижайтесь, время и бумага для писания есть, а всякая ересь и галиматья сама на перо лезет. Будьте здоровы и вполне благополучны. Спасибо за высланный аванс. Привет Льву Антоновичу («проф. Антоневицу»²²). Ваш В. Левенок» (Левенок-Поликарповичу, 03.06.1947).

С 20 июня по 28 сентября длились исследования в Юдиново, где впервые было открыто жилище из костей мамонта. Без его наблюдений не были бы ясны и некоторые детали древних конструкций. «Не могу не отметить работы археолога В.П. Левенка, - пишет в дневнике К.М. Поликарпович, - принимавшего самое живое участие в исследовании стоянки в Юдиново. Ему принадлежат, между прочим, все многочисленные чертежи, как раскопов в целом, так и целого ряда отдельных моментов и деталей, (например «строительной техники»), которые чуть

Раскопки в Юдиново. 1947 г. (Фонды ТКМ)

22 - шуточная игра слов, основанная на сходстве отчества Л.А. Михайловского и фамилии польского археолога Антоневица

гаю, что грамотных людей – учителей и пр. можно найти и в Погаре. Тот человек, на которого я рассчитывал, уехал из Трубчевска, а брать кого зря не хочется. Если сможете, то вышлите аванс рублей 200-300, потому что я не получал зарплату с сентября. (...) Инструменты для работы я беру, но бумаги в этом году не имею, так как всю за зиму истратил, а новой купить нет денег, да и негде в нашем городе. Из инструментов беру «патентованную колдыбку», компас, лопату, рулетку, складной металлический метр, чертежную линейку, немного карандашей» (Левенок – Поликарповичу, 15.05.1947).

Настало время перемен в судьбе Всеволода Протасевича. Казавшийся всемогущим директором Дома Культуры Верещетин, третировавший его, неожиданно сам был уволен и осужден за растрату 65000 рублей. «Новый директор, - пишет Левенок 2 июня, - оказался обыкновенным человеком и достаточно культурным. Он без всяких задержек (и без «подмазок») удовлетворил мою просьбу и уволил меня с 1 июня с ненавистной мне оркестровой работы. Так что я теперь вольный казак и могу убираться на все четыре стороны (N, O, S, W) и документы в порядке. Это благо надо понимать и чувствовать. Вот почему я и боюсь теперь поступать на учительскую, или какую другую должность временно, если уж и испытывать трудности и лишения, то с целью и смыслом, а не так, как в прошлую зиму» И тут Поликарпович обрадовал новым известием: ему наконец-то удалось выхлопотать место лаборанта. Правда пока «вне штата», то есть за счет предстоящей экспедиции, но уже с осени – в штате Сектора Археологии Института Истории АН БССР.

«Вашу открытку получил, сегодня же посылаю телеграмму о моем согласии поступить на должность лаборанта с июня. Правда, Ваше предложение поставило меня перед довольно трудной дилеммой, решить которую пришлось все же в сторону согласия с немедленным поступлением лаборантом. В этом отношении, вкратце, мои соображения таковы: поступая в экспедицию не-лаборантом я заработал бы денег, которые очень сейчас мне нужны, но после экспедиции я должен был бы искать себе место работы хотя бы учителя в каком-нибудь из районов нашей или другой области, а оттуда не так легко будет вырваться в будущем для сотрудничества с Вами, т.е. по существу у меня не было бы перспектив моего сближения с Сектором Археологии. От этого предложения, столь выгодного на первый взгляд, приходится отказаться в пользу согласия с лаборантской должностью. Закон есть закон и надо начинать с малого, но более верно. Конечно, с материальной стороны будет туговато, а может быть придется и очень круто, но что ж делать, бедствовать мне не привыкать. 450 р. зарплата минус рублей 200-300 за угол, на остаток кое-как проживу. Может быть кое-что подработаю. Выкупить хлеб по карточке смогу и уже не умру с голода. Опыт прошлой зимы показал, что имея не более 350-400 г. хлеба в сутки остался жив. Все это очень важно, но в настоящее время материальная сторона жизни для меня не основное. Очень хорошо было бы, если бы Вы выхлопотали мне хлебную карточку в связи с поступлением на должность лаборанта. Но здесь надо считаться с тем обстоятельством, что в Погаре могут не дать хлеба, даже если у меня (и у других членов экспедиции) будут на руках хлебные карточки: ибо неисповедимы пути районных снабженческих организаций... В этом случае всю зарплату (750) придется загнать на хлеб – на

Здесь я активно боролся с оружием в руках против фашистов. Вначале был в составе 2-го Белорусского фронта (199АЗСП), а затем в 1-м Украинском, в 508-м Гродненском ордена Александра Невского полку. В ночном бою под 26 апреля в Судетах у г. Яузра я был ранен вторично. От этого ранения я потерял зрение на правый глаз¹⁴. Известие об окончании войны я встретил в армейском госпитале в г. Липнице. За свою работу в рядах РККА имею два награждения: 1) Благодарственную Грамоту командования фронта и 2) медаль «За победу над Германией». По выходе из госпиталя был определен в 234АЗС полк, с которым был в Австрии, Силезии, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Был в Вене, Будапеште, Братславе, Праге и многих других городах (мыл портянки в Дунае, купался в Мораве и пр., и пр.). 30 сентября был демобилизован, а 18 октября вернулся в Трубчевск».

Солдат вернулся в свой дом на улице Урицкого, уцелевший в войну. Трубчевск, в смысле сохранности зданий, пострадал немного, всего сгорело 50 деревянных домов. Внутреннее же оборудование учреждений разграблено немцами начисто. Вся его большая семья (кроме жены и сына) была жива, только отец болел. Брат Анатолий – подполковник Красной Армии, служил в Одессе, брат Олег – инженером в Москве. Сестра Зинаида учительствовала в педучилище Трубчевска, поскольку пединститут в Белгороде, где она была до войны преподавателем и вела научную работу, уничтожили немцы. Буквально на второй день археолог, истосковавшийся по любимому делу, отправился бродить по склонам городищ над Десной. В 1943 году немцы, при отступлении, здесь имели линию обороны, и весь берег Десны, включая городища изрезали траншеями, окопами. ««Столько лет я не занимался любимым делом, и я встречался с городищами, как со старыми знакомыми и друзьями (стоянки в это время уже были залиты осенним разливом Десны). Под осенним солнцем склоны горок ароматно пахли польнейю и свежей землей... В течение двух лет после освобождения Трубчевска от немцев, - писал Левенок, - никто в эти окопы не заглядывал, а там много есть интересного, ведь культурный слой изрезан по всем направлениям. В Трубчевском музее служат люди, но их эти городища не интересуют и они до моего приезда, в течение двух лет не удосужились обследовать их, а я буквально на второй день своего приезда пошел блуждать по осыпям и косогорам, вдыхая волнующий запах польней и согретой осенним солнцем земли городищ. С конца октября до морозов я ежедневно метр за метром, городище за городищем изучал их и собирал интересные материалы... В музее я сейчас не работаю, так как там все места сейчас заняты другими людьми, «научными» работниками, о которых лучше помолчать.¹⁵ В течение двух лет музей закрыт и когда будет открыт неизвестно, так как там почти ничего не делают, потому что не знают с чего начинать и что делать» (Левенок–Поликарповичу, 19.12.1945). Осенью В.П. был вынужден закончить свои работы в

14 - впоследствии зрение частично восстановилось.

15 - с 20.10.1945 директором Трубчевского музея стал В.А.Падин. Впоследствии он сделал ряд археологических открытий, в числе которых установление 1000-летнего возраста Трубчевска, но его отношения с Левенком были полностью разорваны еще в трагический для обоих период оккупации. Непосредственно до возвращения Левенка из армии музеем руководила директор Галанова.

связи с начавшимися морозами. Но в процессе работы ему потребовались планы некоторых археологических памятников, и вот 20-22 марта он бродил по льдам и водам деснинской поймы и снимал их, а 23 марта уже начался разлив весенних вод, и хождение по пойме стало невозможным. Материалы с изрезанных окопами городищ Красное (Теменское), Городок, Средние Городцы, Радутино, Радчино, Любожичи, а также с поселений I тыс.н.э. Хохлов Вир и Селище, попали в отчет за 1945 год. Он включал 16 таблиц рисунков, карты и схемы (всего более 100 изображений) – один из первых, направленных в только созданный Московский архив ИИМК.

Настоящим счастьем была для вернувшегося с войны ученого узнать, что его учитель тоже жив и вернулся в Минск: «Дорогой Константин Михайлович! Как приятно, как трогательно и радостно было мне увидеть на телеграмме Вашу фамилию... «Жив», - было первой моей мыслью, - «Цел, невредим, и, конечно, работает мой дорогой (именно – дорогой) Константин Михайлович! После всего того, что мне пришлось пережить и перенести, как дорого все то, что имеет отношение к святому святым моей жизни – к археологии. ...Пишите, что нового в мире археологии? Для меня все ново, все неизвестно и все интересно. Как живете и работаете Вы? Какие новинки в издании ИИМКа? Что нового в археологической литературе вообще? Я послал заявление на Открытый лист по обследованию археологическому бассейна Десны в пределах Брянской области. Если придется Вам быть в Москве в ИИМКе, закиньте слово за меня в отношении выдачи мне Открытого листа. Не знаете ли Вы случайно – появилось ли что в печати из моих работ, которые до войны подготавливались к опубликованию? Если Вам что известно – сообщите. Я сейчас с удовольствием помог бы Вам в любой иллюстрационной, оформительской работе к Вашим исследованиям по археологии, в смысле выполнения зарисовок, карт, планов и пр. Что нового вообще в археологическом мире? Живы ли Воеводский, Рыбаков, Бадер¹⁶, слышно ли что о Лявданском?...» (Левенок–Поликарповичу, 19.12.1945).

В одном из первых послевоенных писем следует признание в любви. Любви к Госпоже Археологии: «Моей заветной мечтой было бы работать под Вашим руководством по археологии. Если Вы поможете мне устроиться в Минске – буду очень Вам благодарен и постараюсь это доказать не на словах, а на деле. Первым этапом этого предприятия я считаю необходимость моего участия в Ваших работах (предстоящих в этом году) в Елисеевичах. ...Высшей целью и интересом своей жизни все же считаю научную работу – археологию. Занятия музыкой я уже перерос и не могу их ставить самоцелью, это для меня лишь один из способов культурного заработка и занятия для личного удовольствия в свободное время. Также, как и занятия рисованием и живописью для меня лишь средство графически и изобразительно оформить результаты научных изысканий. Это, несмотря на то, что в свое время я окончил и музы-

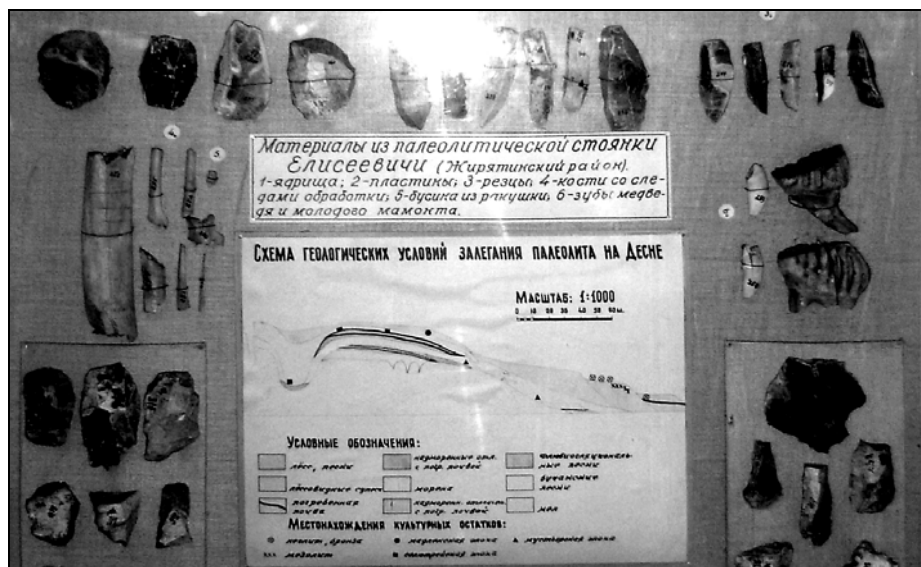
16 - Рыбаков Борис Александрович (1908-2001) – докт. ист. наук, проф. МГУ, академик, археолог и историк, директор Института Археологии АН СССР (1956-1987), автор десятков монографий посвященных истории, религии, культуре и археологии славян и Древней Руси. Бадер Отто Николаевич (1904-1979) – докт. ист. наук, советский археолог, вел исследования эпох камня и бронзы Центральной и Южной России, Приуралья, Украины. Был репрессирован (ссылка), затем восстановлен в правах. Основатель семейной археологической династии.

и подсадили сад. Больше всего В.П. печалило отсутствие в глубинке специальной литературы по археологии. Тем временем суд, состоявшийся 21 ноября, благодаря справке из Минска признал претензии директора Дома Культуры несостоятельными. Жить стало легче, но работу нужно было поскорее менять. «Конечно, быть учителем солиднее, чем носить покойников с траурным маршем, но зато здесь больше свободного времени для научной работы. В общем, живем помаленьку. Был недавно в гостях брат Анатолий – подполковник. Он живет в Одессе, и уже уехал. Я пишу ноты и пишу кое-что по археологии. Зарботки здесь чрезвычайно низкие и только недавно получили зарплату за август, но цены рыночные невысоки. Так, хлеб (мука ржаная) 450-500 р. пуд, молоко 7 р. литр (кувшин 2-х литровый 14-15 р.), картофель дорого – 65,70,80 р. пуд, масло сливочное «четверка» 30-35 р. (что в Елисеевичах осенью еще стоила 40 р.), крупа пшено 10 р. стакан. Много на рынке промтоваров и сравнительно не дорогих. В педучилище зарплату выдают достаточно аккуратно (областной бюджет) и сестра Зинаида приносит деньги регулярно, но мы – оркестранты (я, брат Игорь и сестра Лида) народ безденежный, хорошо лишь одно – много свободного времени и дают рабочую хлебную карточку 500 гр. И по нарядам не гоняют, так как считаемся рабочими вредного производства (вероятно вредного для легких оркестрантов и для ушей публики)» (Левенок–Поликарповичу, 02.12.1946). Зимой город выдержал осаду волков. Во многих местах по политым кровью улицам валялись растерзанные собаки. С наступлением сумерек движение замирало, выходить в ночное время на улицу небезопасно. В деревнях же дело было еще хуже, там были случаи нападения волков даже днем. (Левенок – Поликарповичу, 25.01.1947).

Поликарпович в конце апреля сообщил о планах на сезон и пригласил Левенка участвовать в экспедиции. Тот живо среагировал на предложение: «Ваше письмо... возвращает меня к жизни. Само собой разумеется, я согласен принять участие в Ваших работах и на весь указываемый Вами отрезок времени. Для моих личных работ если останется какая-нибудь декада или неделя, то и достаточно (я имел в виду походить по Судости от Дмитрова до Почепа и от него до Погара). В настоящее время мое материально-экономическое положение (и вместе с этим здоровье) настолько подорвано, что о самостоятельной работе как-то и не думается, может быть к осени кое-как «отдышусь», тогда и подумаю об этом. (...) Особенно удобно то, что работу предполагаете начать с Курова; в весеннее время это имеет большое значение, так как в Погаре имеется хороший рынок, а это рядом, а рынок – это жизненный базис: не будешь в плену у бессовестных шкурников, как в Елисеевичах (куда попадем позже, когда улучшится продовольственное положение). В Погаре дешевый рынок, не такой как в Жирятино. При отсутствии пайка это очень важный вопрос, игнорировать его не приходится. Насчет подыскания сотрудников – в Трубчевске поищу, хотя на этот счет особенно хороших кандидатур нет. Пожалуйста, только не пишите П-ну²¹, если вы его пригласите, то я у Вас работать не буду, объясню при личном свидании. Пола-

21 - В.А.Падин. Приглашенный Левенком в музей, он сменил его, говоря, что Левенок, якобы, способствовал разграблению музея и бежал с немцами. Эта версия событий использовалась в дальнейшем работниками МГБ, стряпавшими «дело» Левенка, и попала даже в современную периодическую печать.

ма с жестокой реальностью. Издевательства директора Верещетина продолжились и достигли апогея. Он не верил ни в какие отсрочки отпуска ради нужд науки и передал «дело о прогуле» в суд. Чтобы избежать лагерей, нужно было срочно получить документ из Белорусской Академии наук, подтверждающий государственную важность участия в экспедиции. Ожидая суда и в душе уже торжествуя, Верещетин гонял незадачливого капельмейстера на уборку мусора, погрузку дров, непрерывно при этом оскорбляя и унижая. Зарплату директор сотрудникам не платил с августа, объявив непрерывные субботники. Из-за поданного Левенком на второй день по приезду из Елисеевичей заявление об уходе директор-громовержец так рассвирипел, что помчался в райком партии с жалобой на саботаж и симуляцию. «Здесь в Трубчевске, - писал Левенок, - я, конечно, мог бы перейти на работу учителя рисования и музыки в педучилище и директор очень не прочь меня взять. Но в конечном итоге это не решает вопроса, так как если он съездит в Брянск и отвоюет меня из дома культуры, как учителя, то тогда он, конечно, меня никуда непустит. Хотя в педучилище мне было бы работать лучше в смысле более культурного окружения. Быть совсем без работы нельзя – горсовет таких высылает на какие-то работы вроде лесных и т.п.»

Находки со стоянки Елисеевичи, переданные В.П. Левенком в Трубчевский музей (старая экспозиция ТКМ)

Поликарпович вял мольбам ученика, и не только представил нужную справку, спасшую трубчевского археолога от года лагерей, но и выслал в три приема зарплату за работу в экспедиции – 400, 600 и 583 рубля, которая фактически спасла семью Левенка от голода и зимних холодов. В большой семье поправились дела, был окончен ремонт дома, сделаны и остеклены вторые рамы (стекла привез из Москвы на собственной автомашине брат Всеволода – Олег). В лесу накопили дичков яблоней и груш

кальный и художественный техникумы и был совсем неплохим художником, рисовальщиком и живописцем.

Учитель и ученик. К. М. Поликарпович и В. П. Левенок

Наука и выше, и интереснее и живописи, и музыки, а ученые «умнее» художников и музыкантов... Я думаю, что Вам имеет смысл взять меня к себе в Секцию Археологии, потому что я очень люблю археологию (это моя страсть... у одних – курение, у других – карты, футбол, охота и пр., у меня – археология) и, как помню себя, занимался ею с юных, мальчишеских лет (копировал надгробные плиты в соборе и пр.) и сам, как художник-профессионал имею возможность оформлять свои и Ваши работы. Но кроме любви и личных симпатий к этой науке я имею и в смысле образо-

вания, с чисто формальной стороны дела, кое-какие данные. В художественном техникуме, где я учился, у нас преподавали археологию, историю искусств, анализ стилей и пр. Имею и некоторую практику. Я с полной готовностью буду просить Вас действовать моему переходу на работу к Вам в Секцию Археологии, так как я все-таки – археолог, а в настоящее время используюсь не по специальности. Секции же я могу быть полезен и как художник в самом широком смысле слова, начиная от участия в экспедициях и кончая оформлением самих помещений секции живописными картинами из области археологии, картами, скульптурой, муляжами. Могу быть полезен и самой Академии как дирижер и организатор оркестра или ансамбля любого вида (духовой, симфонический, струнный), но – подчеркиваю – это не главное. Независимо от вопроса перехода моего на постоянную работу в Секцию Археологии, очень прошу Вас, Константин Михайлович, включить меня в члены намечаемой Вами работы в Елисеевичах и др. местах в качестве Вашего личного помощника, кем я буду числиться по экспедиции для меня совершенно безразлично, хотя бы и чернорабочим. Если меня Вам удастся устроить на должность в Секцию Археологии, я, конечно, сделаю все зависящее от меня, чтобы проходить аспирантуру. Одновременно с этим письмом, в другом конверте и по такому же адресу посылаю Вам заявление, автобиографию и перечень моих работ. Очень благодарен Вам, что Вы меня не забыли. Передаю Вам сердечный привет моего отца и всех наших» (Левенок – Поликарповичу, 11.01.1946).

Поликарпович рекомендует заняться каменным и ранним железным веками – наиболее многообещающими темами, по которым ученым – энтузиастом уже был собран солидный материал. Левенок немедленно берется за работу: «К обработке темы, предложенной Вами мне, я уже приступил. Вот только плохо дело обстоит с бумагой, вернее – без бумаги. На рынке есть ученические тетради плохого качества 8 руб. штука. Для текста, конечно, не так много нужно. Думаю, что указанный Вами размер работы вместится в 3-4 тетрадки. Труднее было достать ватманской бумаги для рисунков, но и эта сторона дела сейчас в порядке – я взялся рисовать лесные ландшафты для Лесного техникума в Трубчевске и договорился с ними о плате ватманской бумагой; два листа уже получил. Все это, конечно, отрывает очень много времени на посторонние дела, но другого выхода нет. Для работы в области археологии я пойду на все. Сейчас у меня по оркестру стало меньше работы, заняты почти только вечера, но, говоря откровенно, и это меня тяготит – хочется только научной работы и больше ничего, но сейчас ничего и не поделаешь и всякая иная работа будет хуже, так как не даст мне столько свободного времени, как оркестр. Перед 10 февраля, почти целый месяц, я был сильно загружен всякой художественно - оформительской общественной работой по выборам и это отнимало почти все мое свободное время. (...) Между прочим, Вам придется переслать мне или Трубчевскому райисполкому бумажку с ходатайством об отпуске меня из Трубчевска, так как здесь у них два года не было оркестра, я же его организовал за 1,5 месяца и поэтому меня могут не отпустить. Академия же организация авторитетная, и ее должны будут послушаться. Напишите, что, мол, Академия ходатайствует об отпуске археолога такого-то, используемого не по специальности, состоящего на учете в Академии, для использова-

сему, думаю что и Вам мои соображения будут безразличны. Я помню, как Вы говорили о методе, эта мысль была очень правильна и справедлива, но на практике мы ее не довели до конца. Пока я говорю неясно, сейчас скажу яснее. Изучая профили множества зафиксированных мною обрывов второй надпойменной террасы деснинской долины, становится ясной картина и сам характер наслоений, относящихся к двум последним оледенениям и межледниковому периоду. В Елисеевичах мы именно не сделали этого важного мероприятия. Я, помню, предлагал сделать большую зачистку профиля стоянки по обрыву в речную долину, но это не то. Конечно, такая зачистка могла бы только указать, в какую сторону выклинивается стоянка и дать профиль культурных наслоений и их горизонтального протяжения, но это, повторю, не все. Такой зачистки можно было и не делать, а нужно было сделать вот что: шириною не более метра сделать где-то у стоянки по обрыву зачистку – вертикальный шлиф для уяснения геологических условий залегания стоянки. И шлиф надо было сделать от верха и как можно глубже, чуть ли не до уровня поймы. Это важнейшее мероприятие мы не выполнили. Без уяснения геологии, географической среды объектов своего изучения, археолог бродит на ощупь, впотьмах. Изучая деснинские профили (совсем не имеет значения, что они почти все сделаны в тех местах, где нет памятников культуры) учишься понимать и читать прошлую географическую среду в условиях которой отлагались те или иные слои. Много пришлось подумать и параллельно сравнить Елисеевичи. И вот каковы результаты: предполагаю и не без основания, что пущенное кем-то из археологов (кажется Равдоникасом²⁰) стадийное определение Елисеевичей, как памятника мадленской эпохи неверно, и гораздо ближе к истине Ваше, высказанное Вами еще в 1936 г. более раннее определение Елисеевичей как ориньякского памятника, или, во всяком случае, ориньякско-солотвейского, но не позже. А коль скоро это так, то и все остальное становится на свои места: и злощастная медвежья «щелепа» (между прочим, красивая кость) не вносит никакой путаницы в ландшафтно-фаунистическую картину, и совсем не нужно древних «елисеевичев» за медвежьей челюстью посылать за несколько сот километров – леса были здесь, в долине тогдашней Судости, а на водоразделе еще господствовали тундровостепные, так сказать, участки, возможно даже и с пятнами вечной мерзлоты и, во всяком случае, озерами, в которых откладывался тонкий и непрочный озерный мергель и др. отложения, а там, где не было озер, формировалась (ископаемая теперь) почва. И вот, на одном из таких горизонтов ископаемой почвы, по-видимому, и базируется стоянка, по крайней мере своими нижними горизонтами. Проверить это было очень просто – шлиф-то сделать во много раз легче, чем шурфовать, а мы не сделали. Бить нас нужно и палку поломать... (Левенок-Поликарповичу, 25.01.1947).

Однако еще по возвращении из экспедиции мечтатель-археолог столкнулся до-

20 - Равдоникас Владислав Иосифович (1894-1976) - главный коммунистический идеолог ГАИМК-ИИМК., зав. сектором каменного века ИИМК. Основные труды посвящены древностям Приладожья, Прионежья и Карелии. Член-корр. АН СССР (1946), в 1951 г. отовсюду уволен как космополит и маррист, подвергался аресту МГБ, но осужден не был. Впоследствии восстановлен на работе, продолжал полевые исследования.

археологических раскопках в д.Елисеевичах и не представляющая, в силу своей древности, решительно никакой опасности в санитарно-ветеринарном отношении и 3) что в указанных 22 ящиках никаких остатков современных животных нет. Председатель Горицкого с/совета Г.И. Несмачный» (ЮКМ, без № - материал в обработке).

На раскопках Елисеевичей (август 1946 г.) Слева направо: К.М. Поликарпович, В.П. Левенок, Н.Г. Павлова, Л.А. Михайловский¹⁹, на бровке – рабочие, жители села.

Уже зимой у Левенка возникли интересные соображения относительно методики раскопок в Елисеевичах, которыми он не замедлил поделиться со своим учителем: «Милейший Константин Михайлович! Хотел было так же отмалчиваться, как и Вы, но просматривая и изучая свои летние деснинские материалы пришел к некоторым выводам и построениям, имеющим отношение и к Елисеевичскому палеолиту, а по

19 - Михайловский Лев Антонович, будучи студентом истфака Белорусского госуниверситета (Минск) работал на раскопках Херсонеса, Керчи, в Бердыже у К.М.Поликарповича (1938/39). Воевал. С 01.10.1946 лаборант, по окончании Белорусского государственного университета с 01.04.1947 – младший научный сотрудник Сектора Археологии Института Истории АН БССР. Участвовал в экспедициях в Юдиново, Курово и Елисеевичи в 1946-1948 гг. Нина Георгиевна Павлова – сотрудница Института Истории АН БССР, участница экспедиций 1946-48 гг. в Елисеевичах и Юдиново (реги стратор).

ния его по прямой специальности в научной работе. Это, конечно, не мне нужно, а тем, кто распоряжается мною. Если я сам буду просить отпуск, мне скажут «чепуха, какая там научная работа...», потому что «нести пророка в том месте, где родился»... Я же со своей стороны приложу все силы, чтобы быть полезным Академии. Кроме рисунков, иллюстраций и прочего графического материала, сопровождающего научные работы тех или иных авторов, я могу быть полезен Секции и как художник-муляжист. С моей помощью тот или иной археолог Секции сможет произвести любой муляж, живописную картину, реконструкцию исследуемых археологических объектов и т.п. Я ведь художник и археолог в одном лице, и, говоря без хвастовства, в свое время был одним из наиболее видных художников г.Воронежа, обо мне (о моих работах) неоднократно писали в воронежских газетах. Но сейчас мое художественное творчество должно идти только по линии археологии, и только в этом направлении я получу полное нравственное удовлетворение, «искусство для искусства» меня не прельщает... Я хочу стоять, как нищий у входа в храм науки и очарованной душой ловить высшую мудрость служения нашему общему Богу – Науке... Извините за такой фантастический символизм, но это идет из сердца» (Левенок–Поликарповичу, 18.2.1946).

К.М.Поликарпович долго добивался принятия археолога-самородка на должность младшего научного сотрудника Института Истории АН БССР в Минске. Ему отказывали по формальному мотиву – дескать, нет высшего образования. Художественный и музыкальный техникумы, 12 лет стажа полевых работ и наличие публикаций в столичных научных изданиях бюрократы от науки во внимание не принимали. Об этом он, наконец, написал Левенку, но просил не отчаиваться и выслать анкету и фото для повторной попытки. «Очень жаль, конечно, - отвечает В.П., - что с моим назначением к Вам ничего не получилось, но отчаиваться не приходится, нужно работать, работать еще упорнее и больше. Анкету я по приготовлению фото вышло, хотя из этого, конечно, ничего не получится. Я думаю так, что, даже не состоя у Вас в штате, я смогу с Вами сотрудничать в Ваших полевых работах. Только бы уладить мои отъезды с моими служебными делами, но надеюсь, что и это я улажу, особенно если Вам удастся напечатать вызов на работу. ...Вы не можете представить себе, как я признателен Вам за Ваши хлопоты обо мне. Мне даже неудобно, что я заставил Вас так беспокоиться. Постараюсь не остаться в долгу. Я очень рад, что Вы мне доверяете и поручаете перечисленные Вами в письме работы – примусь за них с особенным старанием. Обзорную работу для «Известий» я написал, но решил коренным образом переделать и ввел новые материалы прошлого и этого года, а по некоторым вопросам и пунктам приходится и специально ходить и на месте уточнять путем определения материала в условиях *in situ*¹⁷. В этом переработанном виде первая часть работы – каменный век – уже готова, я начал писать железный век. Есть много новых наблюдений. Эта, казалось бы на первый взгляд, простая тема, в действительности не так проста и такая трактовка, как это было мною сделано для «Кратких сообщений» ИИМКа (вып.Х,1941), конечно теперь меня больше не удовлетворяет. В этой теме

17 - «на месте» (лат.)

нельзя скользить с одного археологического факта или находки к другому, описывая вещи в их хронологическом порядке. Здесь нужно более углубленно вскрывать общественно-исторический процесс в его частных и местных конкретных выражениях, запечатленных в тех или иных вещественных объектах. Здесь каждое явление следует принимать в его генезисе и дальнейшем развитии при учете взаимодействия с внешней (географической) средой и пр. Однако такая постановка вопроса вовсе не предполагает нагромождения материала. Вообще говоря, ценность научной работы не зависит от ее объема. Можно очень долго и много работать и получить в результате исследование в несколько считанных листков, а можно в короткий срок нагромоздить огромную кучу материалов. Впрочем, довольно философии, так как говорить всегда легче, чем работать. Итак, пишите о сроках и прочих конкретных действиях, дорогой Константин Михайлович, а я буду ждать, да «оттачивать меч» для предстоящих битв. Меч – это шпатель¹⁸» (Левенок–Поликарповичу, 15.06.1946). Продолжавшиеся более года затяжные попытки Поликарповича взять своего ученика на работу в Институт Истории не вызывали у Левенка оптимизма: «В возможность моего устройства в Минске я верю столько же, сколько в возможность межпланетных сообщений...» (Левенок - Поликарповичу, 25.01.1947).

В конце июня в Трубчевске проездом на академическом автомобиле был М.В. Воеводский с двумя научными сотрудниками и художником. С Воеводским трубчевский археолог был знаком еще по Деснинской экспедиции 1930-х гг. и боготворил его почти так же, как Поликарповича. Сотрудники же произвели на Всеволода Протасевича удручающее впечатление: «Неужели можно, состоя на специальных должностях археологов в ИИМКе, так мало знать (имея все возможности к приобретению знаний) и задавать такие нелепые вопросы, что мне - простому скромному районному краеведу приходится только плечами пожимать и иногда вопросительно поглядывать на Воеводского – что мол сие явление значит? Художник их тоже не на высоте» (Левенок–Поликарповичу, 17.07.1946). И все же приезд Михаила Вацлавовича в Трубчевскую глубинку был для Левенка лучом света в темном царстве. Вместе они три дня осматривали памятники, в числе которых были городища Средние Городцы, Арельское, Радутинское, Селецкие дюны. Перед этим Воеводский был в Брянске, ездил в Елисеевичи, и рассказал, что место довоенных раскопок в порядке – окопов нет, только поставлен новый сарай, а рядом с местом раскопок в овражке торчат кости из обрыва. В начале июля визит повторился, и Всеволод Протасевич, до того отработав пять дней на заготовке дров в лесу по разнарядке от Дома Культуры, смог принять участие в разведках на Цветуньском археологическом комплексе. А 16 июля Воеводский с командой уехал в Пушкари, Мезин, Сосницу, затем в Чернигов, Курск и Орел – профессор восстанавливал утраченные в войну связи. Левенок вновь остался в печальном одиночестве. Он бродил по округе почти ежедневно, насколько позволяла служба, ожидая начала раскопок в Елисеевичах. Во время этих археологических экскурсий им были открыты стоянки неолита-бронзы Гуры 1 и Гуры 2 на левобережье Десны против Арельска.

18 - тогда один из основных инструментов для разборки палеолитического культурного слоя.

Однако в научной деятельности местного капельмейстера никто из городского и районного начальства заинтересован не был: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Мне очень неудобно писать, но что же делать? Выехать к Вам на работу мне не разрешили, они не признают даже того, что просит такое авторитетное учреждение, как Академия наук. Мои администраторы сказали мне, что они не могут меня отпустить из Трубчевска в то время, когда нужно восстанавливать Трубчевский музей, такой, мол, я здесь незаменимый работник. Но дело не в этом, это еще имеет какую-то логику. Дело в том, что они просят меня всемерно помогать Трубчевскому музею, используя, однако, меня в качестве... трубача в духовом оркестре, в то время как в музее на штатных местах, получая литературный паек научных работников, служат лица, не имеющие никакого отношения к музейному делу, но они – жены некоторых мужей и в этом все дело. Меня не отпускают из Трубчевска по мотивам пользы для музея, не учитывая того, что поработав с Вами я рос бы и как научный работник и мог бы дать материалы в нашем же музее с такой интересной и всемирно известной стоянки, как Елисеевичи, причем даже и территориально она так близко лежит к нам, что не имея в собственном районе палеолита следовало бы дать ее отражение в экспозиции. Буду еще хлопотать о том, чтобы меня отпустили, если только что из этого получится. Я очень расстроен и огорчен. Первое время после отказа я несколько дней ни за что не мог взяться, все валится из рук» (Левенок–Поликарповичу, 17.07.1946).

Выезд усилиями Поликарповича все-таки состоялся, но работа в Елисеевичах принесла, как и предполагал Левенок, огромные осложнения на службе в Доме Культуры. Самодур-директор стал третировать своего подчиненного прямо на раскопках гневными телеграммами с угрозами уголовного преследования. Поликарпович, проявив выдержку и твердость характера, сумел отстоять сотрудника экспедиции и в интересах науки продлить его отпуск. Левенок, согласно выданной председателем Горицкого сельсовета Г.И. Несмачным справке, проработал в Елисеевичах с 10.8. по 17.9.1946 г., но задержался до начала октября. Именно тогда им была обследована группа памятников археологии в долине Судости на протяжении от Жирятина до Макаричей Почепского района. Среди них – новая мезолитическая стоянка Комягино, ставшая впоследствии одним из эталонных памятников мезолита верхней Десны.

В экспедиции Левенка полюбили, он получил от шефа, любившего подкузывать окружающих, забавные, но не обидные прозвища - Сиволап Протапович и Homo trubetshskovensis. Они сходились на том, что «археологическое кадило не следует угашать, его следует раздувать (помните, как раздувались в Елисеевичах всякие там чай и ячницы?) из всех легких всех штатных и нештатных сотрудников Сектора» (Левенок–Поликарповичу, 1946, без даты). В самом конце экспедиции произошел анекдотический эпизод: ящики с костями мамонта на железной дороге не пожелали принимать в багаж не убедившись, что животные не погибли от заразной болезни. В итоге был предъявлен следующий документ: «Справка. Дана настоящая Горицким с/советом, Жирятинского р-на, Брянской области в том, что 1) начальник археологической экспедиции К.М. Поликарпович действительно производил археологические раскопки в д. Елисеевичи Горицкого с/совета; 2) что в отправляемых им на ст. Минск со ст. Почеп 22 ящиках заключаются исключительно кости мамонтов, добытые при